

70 ИСТОРИЙ О ВОЙНЕ

РОСТОВ-НА-ДОНУ
2015

ББК
УДК

Составители:

Студенты и сотрудники государственного бюджетного
образовательного учреждения начального
профессионального образования Ростовской области
профессионального училища № 61
имени Героя Советского Союза И.Г. Вернигоренко

Редактор: Великанова С.Н.

Составление и подготовка текстов:

Сумская Т.В., Великанова С.Н., Калужина М.В.

Вступительная статья: Сумская Т.В.

70 историй о войне: сборник документальных рассказов. — Ростов н/Д: Foundation, 2015. — 150 с. ISBN 978-5-4376-0127-3

В сборник вошли воспоминания новошахтинцев — участников боевых действий, жителей блокадного Ленинграда, наших земляков, побывавших в фашистских застенках, детей войны и тружеников тыла о периоде Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Представленные рассказы, без сомнения, будут интересны широкому кругу читателей — всем, кому дорога история Родины.

Финансирование:

Депутаты новошахтинской городской Думы

ISBN 978-5-4376-0127-3

ББК
УДК

© Коллектив авторов, 2015 г.

© Оформление Лункина Н.В., Кубеш И.В., 2015

Содержание

Свирякова Елена Георгиевна	8
Качура Антонина Васильевна	10
Фролов Михаил Михайлович	12
Каль Лев Ричардович	14
Ермоленко Иван Васильевич	16
Лепишко Ефросинья Павловна	18
Куликов Василий Григорьевич	20
Дьякова Елена Алексеевна	22
Куликов Степан Григорьевич	24
Лобачева Мария Львовна	26
Михалева Екатерина Тихоновна	28
Миллер Евдокия Никифоровна	30
Миронычев Михаил Нефедович	32
Лосев Николай Анисимович	34
Слукин Иван Владимирович	36
Шведова Антонина Федоровна	38
Изюмская Евдокия Марковна	40
Побединская Мария Павловна	42
Шведов Николай Иванович	44
Прокофьев Тимофей Иосифович	46
Корниенко Раиса Лаврентьевна	48
Басова Валентина Зиновьевна	50
Мащенко Владимир Никифорович	52
Каночкина Валентина Ивановна	54
Галинская Валентина Ивановна	56
Зинченко Нина Ивановна	58
Журавлева Надежда Николаевна	60
Танский Степан Федорович	62

70 историй о войне

Меркулова Надежда Кириловна	64
Собакарев Гавриил Степанович	66
Усс Алексей Порфирьевич	68
Ковалев Николай Дмитриевич	70
Ковалева Клавдия Васильевна	72
Шульга Антонина Ефремовна	74
Гречка Клавдия Николаевна	76
Шушпанов Михаил Осипович	78
Василенко Иван Георгиевич	80
Василенко Екатерина Ивановна	82
Ситниченко Иван Федорович	84
Беликова Дина Романовна	86
Коленко Полина Михайловна	88
Андриенко Николай Юрьевич	90
Галушкин Михаил	92
Георгиади Елена Власовна	94
Галушкина Александра Романовна	96
Крицын Алексей Алексеевич	98
Котлярова Пелагея Андреевна	100
Нищеглодов Николай Александрович	102
Рулла Иван Игнатьевич	104
Селедейкина Ефимия Фроловна	106
Ващенко Нина Ивановна	108
Коцарь Виталий Васильевич	110
Коцарь Людмила Ивановна	112
Афанасьева Анастасия Адреевна	114
Вольвач Татьяна Николаевна	116
Хоперская Лидия Михайловна	118
Карелов Алексей Федосеевич	120
Васин Николай Семёнович	122
Журавлёва (Васина) Елизавета Семёновна . .	124

Содержание

Денисова Нина Федоровна	126
Лысенко Иван Егорович	128
Васильева Валентина Ивановна	130
Меркулов Иван Павлович	132
Лысенко Владимир Егорович	134
Павленко Николай Иванович	136
Павленко Раиса Васильевна	138
Бабкин Александр Ильич	140
Иванец Елена Афанасьевна	142
Гончаров Иван Михайлович	144
Василенко Николай Васильевич	146
Дольникова Нина Герасимовна	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 2014 года студенты государственного бюджетного образовательного учреждения начального профессионального образования Ростовской области профессионального училища № 61 имени Героя Советского Союза Вернигоренко И.Г. города Новошахтинска выступили инициаторами по созданию Книги памяти «70 историй о войне».

В книгу вошли воспоминания новошахтинцев — участников боевых действий, жителей блокадного Ленинграда, наших земляков, побывавших в фашистских застенках, детей войны и тружеников тыла о периоде Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Сейчас, через семьдесят лет после нашей Победы, мы на многое смотрим другими глазами, чем тогда, во время войны, и о многом в состоянии написать глубже, шире, исто-

Предисловие

рически справедливее. Но это не уменьшает, а, наоборот, увеличивает ценность искренних свидетельств того времени с их сумятицей первых непосредственных впечатлений, с их невольными преувеличениями и приуменьшениями и с их — и это самое главное — верой в народ, в Красную армию, в неперемнную, несмотря ни на что, победу над фашизмом.

В этом сборнике опубликованы истории в их подлинном виде, сохранив, как правило, и те строки, которые кажутся неловкими, наивными. История есть история, — и это относится не только к истории фактов, но и к истории чувств.

К сожалению, не все авторы дожили до сегодняшних дней, но мы решили написать все истории от первого лица, ведь это личные воспоминания живых свидетелей того тяжелого времени.

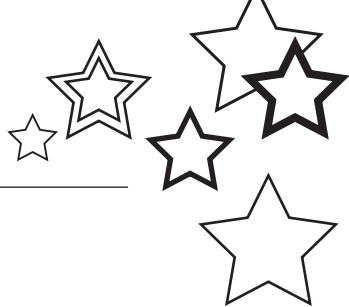
Коллектив педагогов и студентов Профессионального училища № 61 выражает глубокую признательность всем, кто участвовал в подготовке к выпуску этого сборника.

Подготовка к изданию и выпуск книги «70 историй о войне» финансировались депутатами Новошахтинской городской Думы.

СВИРЯКОВА Елена Георгиевна

У нашей мамы, Волоцковой Анны Егоровны, было трое детей. Мне было 14 лет, когда началась война. Сестре Любе — 10 лет, а младшей сестре Пане — 5.

Когда немцы заняли город Новошахтинск, молодежь начали отправлять в Германию. Наша мама в тайне от всех меня и сестру Любу отправила в Морозовский район в хутор Волоцков к родственникам. Это место, где раньше жили наши родители.

Добирались мы туда пешком, а путь был не близкий. О том, что мы сбежали, кто-то доложил немцам, и в один из дней нашу маму и сестру Паню немцы повели на расстрел в Аютинскую балку, которая располагалась за городом.

В то время, когда они стали подходить к краю балки, наши солдаты-разведчики из-за края балки открыли по немцам огонь, крикнув нашим родным, чтобы они легли и не поднимались. Так спаслись мои мама и сестра.

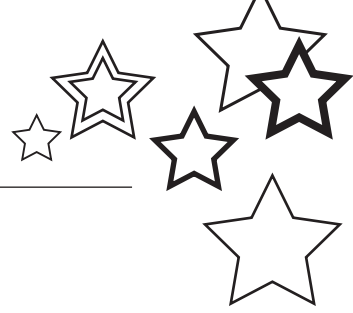
Мы же с Любой благополучно добрались до хутора. Жили там, работали, копали траншеи, помогали нашим солдатам. Вот так мы не попали в Германию и все остались живы.

КАЧУРА

Антонина Васильевна

Во время войны моя семья проживала в хутор Лесинский Сталинградской области.

Когда в наш хутор вошли немцы, мы жили в сарае в погребке. Дома же наши позанимали немцы, повыгоняли и женщин и детей. Нам и самим не хотелось жить в одном доме с оккупантами. Но куда бежать? Да и дворы свои бросать было жалко. Вот и ютились мы, русские, где придётся. И работать приходилось на немцев, обслуживали их, мама готовила им, мы все убирались за ними. А сами жили впроголодь. На нашу семью из 4-х человек давали 3 килограмма муки на неделю. Вот мы по ночам (потому что ночью вода самая чистая) набирали воду из реки Чир, в чугунах парили пшеницу — этим и питались.

В хуторе была начальная школа, все классы учились в одной комнате. Были семьи, в которых дети не ходили в школу, просто не в чем было.

А немцы бесчинствовали повсюду: народ истребляли, дома жгли. Мало нам бомбежек было, так еще эти ироды на нашу голову.

Когда хутор освободили от немцев, из трехсот домов осталось двадцать

Да, было трудно, но главное, что остались живы.

ФРОЛОВ

Михаил Михайлович

Вспоминаются мне бои на западном фронте, когда мы уже погнали немцев.

Командование дало задание форсировать реку и закрепитесь на противоположном берегу. Фашисты отступали, но без боя не сдавали ни одну позицию. В то время я имел звание лейтенанта и был командиром отряда пехотинцев.

Из досок и бревен мои солдаты соорудили плот и переправились через реку. Казалось, опасность миновала, но неожиданно враг открыл огонь. Я был ранен. Осколок попал прямо в голову, повредил глаз. Я потерял зрение. Чтобы не попасть во вражеский плен, решил застрелиться. Когда провел рукой по лицу, неожиданно увидел левым глазом свет. Придерживая рукой веко, добрался до своих. Повалялся в госпитале, и снова в свою часть. За храбрость и мужество в том бою был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За Отвагу».

В одном из боев этот орден спас меня от смерти, до сих пор на нем остался след от осколка. Неизвестно, что было бы, если бы не мои награды на левой груди, может осколок и до сердца дошел бы. А так я остался жив.

КАЛЬ

Лев Ричардович

Война началась, когда мне было полтора года. Мы тогда жили в Ленинграде. Дедушку репрессировали как врага народа и расстреляли. За что, семья даже и не знала. Мама работала в больнице недалеко от дома лаборантом. Отца своего я никогда не видел, он пропал без вести. По словам мамы, его выслали в Казахстан, и он умер там.

Самое тяжелое время было зимой с 1941 на 1942 год. В этот период ничего не работало, в домах не было ни света, ни воды. Помню чувство голода и страха.

В 1942 году в сентябре месяце началась эвакуация города через Ладожское озеро. Мы с мамой тоже эвакуировались. Жили в каком-то поселке у чужих людей.

Помню, когда закончилась война, люди выбегали на улицу и целовали землю. Прямо посреди улицы накрыли большой стол. Каждый выносил из дома, что мог, и ставил на общий стол. Пировали до вечера с песнями и танцами. Проявления такой радости я никогда больше не видел. Мне этот день навсегда запомнился.

Из эвакуации моя семья вернулась в Ленинград в 1946 году.

ЕРМОЛЕНКО Иван Васильевич

В 1942 году, мне не было еще и 16-ти лет. Когда в наш город пришли немцы, началась мобилизация молодежи на принудительные работы в Германию. Угнали и меня.

Целый эшелон привезли нас в Германию, и всех — в концлагерь. В лагере я работал на деревоперерабатывающем заводе. Через три месяца сбежал из лагеря, но меня поймали и отправили в другой концлагерь, где законы были строже, а начальство еще ненавистнее к нашему русскому брату. Били много, почти не кормили. Ели помои, мерзли на нарах. Вот где научишься крошки со стола подбирать.

Пробыл я там до конца войны, работал на очистных сооружениях. Было очень страшно, видел много смертей; видел, как немцы добивали больных и слабых людей. Сам ослабел сильно, но организм молодой, выдержал.

Не люблю вспоминать это время.

В 1945 году нас освободили. Вернулся в Новошахтинск, где всю жизнь проработал на угольной шахте.

ЛЕПИШКО

Ефросинья Павловна

Во время войны жили мы с семьей на маленькой станции Райновская под узловой — Россошью. До войны я не работала, дитя родила, сидела за мужем. А муж машинистом на паровозе работал. В войну работа такая была не легче и не безопаснее, чем в окопах или в танковой башне, особенно

на московском направлении. В поездку каждый раз, как на фронт, провожала, молилась ночами, как за солдата. Уехал однажды и не вернулся. Уже позже получила я весточку, что он на северо-кавказской линии по Кубани составы таскает. Туда эти ироды еще не добрались. А нашу станцию заняли немцы. Куда я с малым дитем? Да и мать рядом была. Остались мы в оккупации. Бомбили нас беспощадно и немцы и наши, взрывали рельсы партизаны, — досталось нашей дороженьке и нам с ней вместе. Гоняли нас немцы расчищать пути от завалов, шпалы укладывать, — ремонтировать железнодорожное полотно. Под пулями и бомбами работали. Откажешься — расстреляют. А я беременная была третьим. Потеряла бы ребенка, живя впроголодь, да на тяжелой работе, если бы не милость немца одного (оказывается, и такое бывает). На постое у нас был фельдшер немецкий. Не молодой, не старый дядька — лет 40, но, видно, благородный. Знал немного наш русский язык. Он сразу заметил, что тяжелая я. Не знаю, то ли приглянулась я ему чем-то, то ли благородство в нем выиграло, как и полагается доктору, но жалел он нас: делился своим богатым офицерским пайком; когда мне было совсем плохо, от работ давал освобождение. А сам часто вспоминал семью свою, трех дочерей, и все приговаривал, что это ему зачтется перед Богом за грехи его. И роды он у меня принимал. Навсегда запомнился мне немецкий горький шоколад большими рублеными кусками, который он принес мне сразу после родов, чтобы сил набиралась.

А вскоре съехали немцы от нас, дальше подались, а на смену им станцию заняли румыны. Те зверствовали еще хлеще, разорили почти все дворы. Как только мы живы остались, не знаю.

КУЛИКОВ

Василий Григорьевич

Вспоминаю свой первый день на войне. Я в составе дивизии приехал на железнодорожную станцию. Прибыл санитарный поезд. Мы начали принимать из вагонов медицинское имущество. Только началась разгрузка, как в небе появился немецкий самолет — разведчик. А вслед за ним нагрянули фашистские бомбардировщики. На станцию, дворы и постройки посыпались бомбы. От прямых попаданий и взрывной волны рушились здания, летели вверх кирпичи, комья грязи, обломки шпал. Со всех сторон слышались крики и стоны пострадавших людей.

К полуразрушенной ограде прижалась раненая женщина, у нее на коленях лежал окровавленный мальчик, потерявший сознание. Наш военврач Макаров оказал им помощь. В глазах этой женщины был страх, ужас, боль за свою жизнь и жизнь ребенка.

Тогда я задался вопросом, сколько еще горя и страданий придется увидеть всем нам на дорогах войны?

ДЪЯКОВА Елена Алексеевна

Я родилась в Липецкой области в селе Сошки.

Помню, как началась война. Мне было тогда 13 лет.

Немецкие войска стояли недалеко от нашего села; было слышно, как стреляли.

Отец и сестра моя старшая ушли на фронт. А с мамой нас осталось еще трое детей.

Жили дружно, держались и делали все вместе. Дома сами пахали землю. Запрягались двое взрослых женщин и двое детей, как лошади, в плуг и тянули. Так все свои и соседские огороды вспашем. Сажали тоже все вместе. Так веселее.

Питались тогда только тем, что сами вырастим. Хлеба было мало, и мама в житную муку добавляла очистки от картошки и из этого пекла хлеб.

Когда собирали урожай, за 25 километров шли пешком на базар, возили на тачке овощи, чтобы продать и там же купить что-то из хозяйственных товаров, а также вкусненькое. Мы тоже любили бывать на колхозном рынке. Для нас, детей, это было развлечение.

Папа вернулся с войны, и мы переехали в Новошахтинск, потому что можно было работать на шахте, и легче выжить было. Папе выписывали уголь и дрова, на семью выдавали 1 кг 200 г хлеба. Было очень трудно, но мы не падали духом. Так жили все.

КУЛИКОВ

Степан Григорьевич

На войне мне посчастливилось познакомиться с удивительным, стойким и мужественным человеком, молодым врачом — Лидией.

Когда она впервые появилась у нас в части, трудно было представить маленькую и хрупкую девушку в полевых условиях на фронте, помогающую раненым бойцам.

Наступательные бои были тяжелыми и упорными. Под градом пуль и снарядов, непрекращающихся бомбежек Лидия, иногда на попутках, а чаще пешком, в любое время суток, пробиралась по бездорожью из одного подразделения в другое на помощь больным и раненым. Иногда нам казалось, что она не вернется с поля боя, но эта девочка всегда возвращалась. Сколько же мужества, стойкости, человеколюбия и милосердия было в ней! Наверное, такими должны быть все наши врачи.

Я навсегда запомнил глаза Лидии — большие, смешные и мудрые не по годам. Война на все откладывает свой отпечаток.

ЛОБАЧЕВА Мария Львовна

Я родилась в 1927 году в городе Новошахтинске. Здесь прошла вся моя жизнь. Было по-всякому. За мой долгий век — 87 лет, я повидала и хорошее и плохое, но всегда любила жизнь, никогда не допускала уныния и паники от невзгод.

Труднее всего было жить, а точнее выживать в годы войны. Но тогда держаться помогало высокое чувство патриотизма. А его в нас, молодых, тогда воспитывали очень хорошо. Наверное, потому мы и победили.

Когда началась война, мой папа ушел на фронт, а мама, на которой было все хозяйство, осталась с четырьмя детьми. Голодно было, получали по 200 граммов хлеба на человека, питались всем, что хоть как-то походило на еду, выручали крапива, конский щавель.

До войны зарезали корову, а шкуру не выбросили, положили на чердак дома. Во время войны мама вспомнила о ней. Разрезая ее на кусочки, она варила нам супы. В воде плавали жиринки со шкуры, и нам казалось, что нет ничего вкуснее.

Мужчин всех забрали на войну. Остались старики да дети. Все подростки помогали фронту, чем могли. Мне шел пятнадцатый год, и мы с девушками рыли окопы. Была глубокая осень, холодно и голодно. Помню оккупацию г. Новошахтинска. Такое не забывается.

На моих глазах были и расстрелы и биржа труда, где немцы обязывали всех регистрироваться. От отправки в Германию меня спасла моя тетя: у нее детей не было, поэтому ее дом не обыскивали, и она прятала меня в погреб. Моих сверстниц многих угнали в Германию, и больше они не вернулись. Но не сломали, не озлобили нас тяжелые военные годы. Нужда, голод, страх очень спланивали людей.

МИХАЛЕВА Екатерина Тихоновна

Я родилась в 1936 году в селе Шабельск Краснодарского края. У мамы и папы нас было четверо, и все девочки.

В 1942 году гитлеровцы оккупировали наше село. Шли они от Ейска, а направлялись к Таганрогу, рвались к Азовскому морю. В наших местах остановились, наверное, на передышку, сил набраться, откормиться.

Я помню, как немцы въехали в село на лошадях. У них было много лошадей, подвод. Они заняли весь наш двор и даже огород. И начали править по-своему. Сильно не нагнали, но вели себя, как хозяева. Коней привязали, накормили из нашего амбара. В телегах у них было много боеприпасов и ящики с гранатами. К ним поставили охрану.

Увидели, что у нас корова, сразу попросили у мамы молока и хлеба. И мама давала им молоко и хлеб пекла. А что оставалось делать? Лишь бы нас не обижали.

Нас, детей, они особо не трогали, просили подавать питье для их лошадей, но мы боялись их. Нас никто не пугал немцами, но страшно было слышать повсюду чужую нерусскую речь и встречаться с дядьками в черной чужой военной форме. Мы плакали и просили маму, чтоб она не пускала их в хату, но они были везде.

Немцы убеждали нас, что побудут немного, нас не тронут и уедут. Так оно и было, через неделю они погрузили свои вещи в телеги, собрали обоз и уехали.

МИЛЛЕР

Евдокия Никифоровна

Я могу рассказать историю знакомства со своим будущим мужем Миллер Андреем Федоровичем. Это тоже военная история.

А было это так: я жила на Украине в Глобинском районе Полтавской области. Украина была оккупирована.

В сорок втором году в наш район пригнали немцы русских военнопленных и разбили лагерь. Содержали пленных, как скот в стойле, да еще гоняли на работы в механические мастерские.

В числе военнопленных был один поволжский немец Андрей Миллер. (Знаете про таких обрусевших немцев, да?). Так вот он сильно заболел во время передвижения, совсем ослаб, и гитлеровцы хотели его расстрелять, так как он не мог работать из-за болезни.

Я в то время у немцев кухарила, стирала и прибирала. Видела, как мучается больной парень. Жалко его стало, выпросила больного военнопленного у немцев, чтобы выводить его, привела домой и лечила.

Затем завязалась у нас дружба, потом любовь. Так и поженились.

Но с приходом Советской Армии немцы угнали всех нас в Германию в концлагерь.

На моих глазах в концлагере выстраивали пленных и гнали в доменную печь, чтобы сжечь.

Но нас эта участь миновала, так как фамилия у нас с мужем была Миллер — немецкая, именно она спасла нам жизнь.

МИРОНЫЧЕВ

Михаил Нефедович

В Красненском районе Орловской области сразу в июне 41-го в военкомате собралось 12 добровольцев. Среди них был и я. Мы маршем отправились в город Елец Липецкой области. Нас зачислили в часть, где мы прошли курс молодого бойца. После этого нас отправили на фронт.

Немцы прорвали наше укрепление, и мы стали отступать к Сталинграду. Бои шли два месяца. Ночью мы шли, а днем окапывались и вели бои с немецкими войсками.

Помню зиму 1943 года. Наши войска находились на правом берегу Дона, а немцы — на левом. Почти каждый день если не бой, то короткие перестрелки. Как-то в начале марта выдалась передышка. Целый день — затишье. Мы с товарищами веселились, шутили, кричали на немцев, через реку показывали им кулаки. А ночью немецкие самолеты стали бомбить наши позиции. Меня с товарищами от разрывов снарядов засыпало землей, и так мы пролежали до утра.

Утром нас откопали. Я даже не понял сразу, что ранен, от ужаса не чувствовалась боль. И меня отправили в госпиталь. После госпиталя вернулся на фронт, прошел всю войну.

ЛОСЕВ

Николай Анисимович

В феврале 1945 года корпус, в котором я воевал, брал столицу Венгрии Будапешт.

Шли кровопролитные бои. Группировка войск противника в Будапеште была окружена и разгромлена, но некоторые гитлеровские части подземными ходами вышли из города в горы. Нашей дивизии было приказано перекрыть им дорогу. С вечера мы совершили вокруг гор стокилометровый марш — бросок и перекрыли выход немцам, а потом довершили полный их разгром.

За мужество и отвагу, проявленные в боях за Родину и во время освобождения территорий европейских государств, я прибавил к уже имеющимся у меня медалям «За отвагу», «За Боевые заслуги», «За оборону Кавказа» Орден Отечественной войны I степени и Благодарность Верховного Главнокомандующего.

В Венгрии, у озера Балатон, 23 марта 1945 года был ранен. Было так:

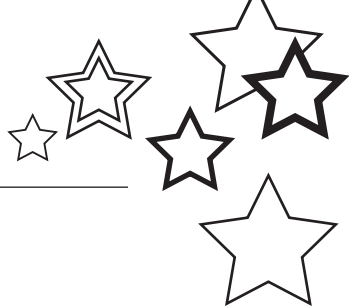
Шли пешком к месту дислокации. Впереди проехали грузовики, а затем прошли за ними 15 солдат, а я был шестнадцатым, и вдруг взрыв мины подо мной! Родился, как говорят, в рубашке, разорвалась мина между ног, задев мне левую ногу, а три лопаты, которые я нёс, срезало как ножом! Так что мне повезло. Подлечился в госпитале, а там скоро и Победа.

СЛУКИН

Иван Владимирович

Боевать в Великую Отечественную я пошел со второго года войны. И по сорок пятый — в действующей армии.

Хочу рассказать об одном военном эпизоде.

Было это в Тульской области. Наша рота была окружена немцами, и пришлось с трудом выбираться из окружения и добираться к своим частям. Мы разделились маленькими группами. Спасались короткими перебежками, часто ползком. Прятались по кустам. А самая большая трудность и опасность была в том, что путь наш пролегал через болото.

Двигались мы в основном ночью, так безопаснее.

А в дневное время приходилось прятаться в самом болоте, в воде, держа во рту трубочку, чтобы не захлебнуться и остаться живым. Так продолжалось 21 день.

Многие из нашей роты так и не добрались до своих. Кого-то выловили или расстреляли автоматными очередями немцы. А кто-то потонул в том болоте.

И я однажды попал в болотную трясину. Самому бы точно не выбраться, затягивает крепко. Но повезло, ребята быстро помогли. Правда, без одного сапога остался, но это мелочи. Портянки крепкие, обмотал потуже ногу и пошел. Так и спасся.

ШВЕДОВА Антонина Федоровна

В годы войны я жила в Калининской (Тверской) области в поселке Калашниково. Я уже работала тогда в школе пионервожатой. Война наложила свой отпечаток на жизнь молодежи и даже детей. Хочу сказать, что в то время очень было развито тимуровское движение. Мы со школьниками активно помогали по хозяйству тем семьям, у кого на войне погибли родственники (особенно кормильцы — мужчины: отец, сын). Это называлось шефство.

На ворота тех домов, из которых ушли на фронт, мой отряд прикреплял деревянные звездочки, выпиленные в школьной столярной мастерской и покрашенные красной краской. В последние годы войны почти на всех дворах в поселке сияли пятиконечные звезды.

Недалеко от нашей школы жила семья, в которой было трое малых детей. Хозяин (отец) погиб. Жена пошла работать на ж.д. станцию, а мы с ребятами помогали сидеть с детьми дома, ночевали у них по очереди. Тогда мы уже понимали, что это военное время войдет в историю как героическое, поэтому со своим отрядом собирали разные свидетельства проявления отваги и героизма на передовой и в тылу.

При школе был создан музей, куда и ученики и сотрудники приносили разные боевые трофеи, письма — треугольники с фронтовыми вестями. На сегодняшний день это — ценные свидетельства эпохи Великой Отечественной войны. Я думаю, что и сейчас в той Калашниковской школе есть музей боевой славы, в котором хранятся и собранные нашим отрядом военные материалы.

ИЗЮМСКАЯ Евдокия Марковна

К началу войны у нас с мужем было уже двое детей. Младшему сыну годик всего. Интересно, что мужа моего звали так же, как и меня — Евдоким. Вот так Бог свел: Евдоким и Евдокия. Отец его, свекор мой, смешно звал нас в общем — Дуськи, а сына ласково — Докимок.

Ушел наш Докимок воевать сразу, в первые дни войны. Вестей от него не было. А в ноябре из-под Москвы прислали мне не похоронку, а сообщение — пропал без вести. Долго теплилась надежда — вдруг объявится. Мало ли что на войне случается?

А у нас еще в 42-ом дом разбомбили, свекруха моя и невестка погибли. Остались свекор и племянница. Выживать в военные, да и послевоенные годы было трудно всем. Вырыли мы с отцом землянку около террикона шахты № 7 и жили там все вместе (сейчас та землянка под породой). Считаю, только на моих плечах были трое детей. Не то, что одеть-обуть, накормить порой было нечем. Суп из крапивы, лепешки из свекольной ботвы на всю жизнь запомнили мои дети. А зимой были у них одни валенки на всех троих, да и фуфайка теплая одна, по очереди на улицу выходили. А погулять хочется. Дед из лопаты сделал им санки, катались с горы по породе. Кто первый успел одеться, накатается, обваляется в снегу, одежда намокнет, а другому выйти не в чем, ругаются друг с другом... беда да и только.

Дед наш старенький уже был, больной, но пытался мне помогать детей «тянуть», ходил на шахтный стройдвор подрабатывать, но на прожитие нам пятерым все равно не хватало. Особенно обидно было, что я на своих детей по потере кормильца ничего от государства не получала, так как он числился без вести пропавшим, а после войны это звучало, как приговор: вдруг дезертир, перебежчик... Мы, конечно, в это не верили, но от того не легче. Особенно переживал наш дед, стареньким уже заберется на породу и сидит там подолгу, задумавшись. Соседи говорили: Докимка своего ждет, выглядывает... Так и не дождался, умер в пятьдесят первом году. И мы не дождались...

ПОБЕДИНСКАЯ Мария Павловна

Я могу вам рассказать, как познакомилась со своим мужем. Это тоже военная история.

В войну я еще совсем девчонкой была, о женихах не думала. Жили мы с матерью в маленькой деревушке в Воронежской области. Отец воевал, с фронта не вернулся. Было нас в семье детей трое, я — средняя. В сорок втором году, когда немцы дошли до наших мест, мы все работали в колхозе. В нашей деревне фашисты не останавливались, а вот рядом станция узловая была Россошь, ее они захватили и там обосновались. Люди оттуда бежали, боялись издевательств, особенно молодежь, их-то вылавливали, да в Германию на работы отправляли. Так прибилсь и к нам парень, совсем подросток еще, мать его жить у нас оставила. Родных у него не было, детдомовский он, но уже учился в железнодорожном училище. А как немцы в город пришли, сбежал, скитался по округе, так к нам попал. От отца вещей осталось много, мать придела его, такой парень видный стал. Звали его Семен, а фамилия очень интересная и для военного времени — Побединский — такую вот в детском доме дали. Прожил он у нас около года, а потом воевать пошел.

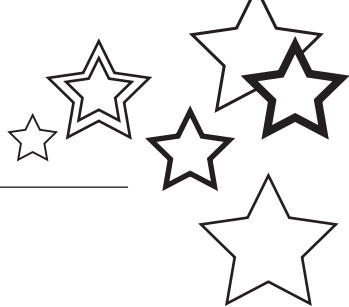
Война закончилась. Я выросла и думать о нем забыла. А в сорок седьмом году вот он — на пороге у нас, только демобилизовался, в Германии на восстановительных работах был. Проведать нас приехал с подарками. Возмужал, но я его сразу узнала, хотя в таком молодом возрасте был он совсем седым. Это так контузия на него повлияла.

Дальше работал он в Россоши в паровозном депо, жил в общежитии, стал частенько к нам в гости ездить, так и за сватал меня. А мне — то какой почет в деревне: после войны на женихов дефицит, а я такого красавца отхватила! Так и я стала Побединской.

ШВЕДОВ

Николай Иванович

Мое военное время длилось 7 лет. Я был призван сразу в 1941-ом. Дошел до Берлина. Домой, в Тверь, вернулся в сорок восьмом. Восстанавливал Берлин и другие районы Германии после гитлеровцев. Но хочу вспомнить сорок второй год на Северо-западном фронте. Оборона Ленинграда. Блокада.

У меня было институтское образование. Носил я тогда уже лейтенантские погоны. Командование обратило внимание на мое хорошее знание языка, красивый почерк, и я был определен связистом при штабе.

Служил я на Ленинградском фронте. И когда настали блокадные времена, то и нас, штабных работников, кидали на обеспечение безопасности той знаменитой теперь «дороги жизни» по Ладоге. Неделями лежали мы в болотах без пищи и питьевой воды на подступах к Ленинграду, Мое подразделение обеспечивало связь с координаторами движения и командованием. Дело ответственное. Часто работали прямо под обстрелом. Приходилось спасать раненых из разбомбленных грузовиков, а то и сами машины вытаскивать из полыней на озере, которые образовывались не из-за оттепели, а после бомбежек с воздуха.

Мы даже не задумывались, что станем героями-блокадниками. Ордена и медали были позже, а тогда мы просто выполняли боевое задание.

ПРОКОФЬЕВ

Тимофей Иосифович

Я во время войны, да и в послевоенное время вел своеобразный дневник, такую записную книжку, куда вносил интересные факты, события, встречи. Теперь это ценные воспоминания для меня. Да, может, и внуки и правнуки заглянут когда-то в мои записи.

Вот что там написано о времени, проведенном мной в военном госпитале:

«Было это на западном фронте в прифронтовом госпитале. Госпиталь находился в подземном убежище, но это не являлось надежной защитой. От взрывов снарядов и бомб казалось, что для этих взрывов не существует препятствий. Не спасало даже подземелье. Стены и потолок постоянно содрогались, мигали и даже иногда гасли фонари и лампы, срывались дверные затворы. Так было и в операционных. Но врачи долгие часы, безотрывно находились у операционных столов. Они старались не замечать взрывов и шума, преодолевая страх, бессонницу и усталость. Отдых для них не превышал двух-трех часов в сутки. Спали врачи на полу или деревянных топчанах. Мы, раненые, старались беречь покой наших спасителей. Кто полегче ранен, помогали сестричкам в перевязочных, потому что после каждого боя работы было так много, что медперсонал прямо валился с ног.

Однажды я в течение всей операции на брюшной полости молодого бойца держал керосиновую лампу, подсвечивая врачам, потому что взрывом перебило провода электричества. Впервые наблюдал я работу хирурга, и после этого понял, почему их называют "полубоги"».

КОРНИЕНКО

Раиса Лаврентьевна

Когда началась война, мне было 19 лет. Я просилась сразу в сорок первом на фронт, но меня не взяли, наш местный военком сказал: «Мужиков для войны пока хватает, а вы, девушки, дома на трудовом фронте разбирайтесь».

Из нашего колхоза почти все мужики — механизаторы были призваны, пришлось нам, женщинам, заменять. Пошла я работать в МТС. Научилась ездить на тракторе, работала трактористом. Но военная моя история началась позже.

Заявление мое о призыве в армию лежало в военкомате. И вот 13 марта 1942 года (до сих пор дату помню) пришла повестка, и меня вместе с группой девушек из нашего района отправили в школу связистов. Ускоренно, за 2 месяца нас обучили, и — на фронт. Служила связисткой. Мы, связисты, всегда находились на передовой. А во время боя очень часты повреждения связи. Устранять приходилось под пулями. Связь была нужна всегда, несмотря на погоду и бомбежки. Несколько раз имела ранения, были и тяжелые, но о них вспоминать мне совсем не хочется.

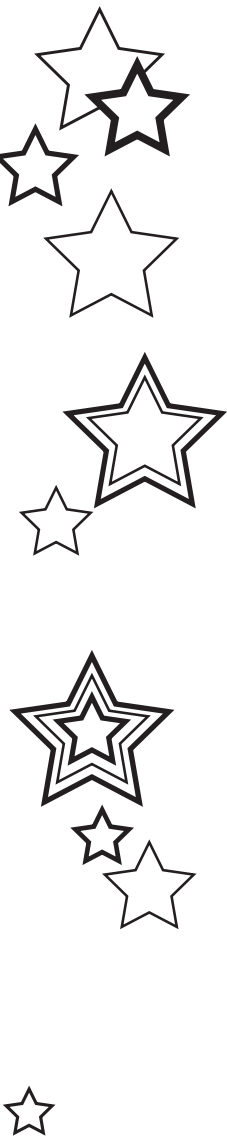
Вспоминается, как по роду службы мне всегда трудно было таскать тяжести.

Связистам выдавали две катушки с проводом по 5 кг каждая, телефонный аппарат — 3 кг. А еще винтовка, нелегкая, для меня длинная, неудобная, мешающая работать. Я была очень худенькая, весила 45 кг. Как тяжело мне было, но никогда не жаловалась, всем трудно на войне. Тем радостней была Победа.

Закончила я войну в Берлине.

БАСОВА

Валентина Зиновьевна

Я родилась в Лазаревском районе, селе Волковка, около города Сочи. В войну была еще ребенком. Но помню оборону Кавказа.

До Сочи линия фронта не дошла, там войны как таковой не было, немцы не оккупировали город. Но в Великую Отечественную не было ни одного места в России, которое не связано с войной. В самом городе Сочи и у нас в Лазаревском располагались госпитали.

В сорок третьем году немцы подходили к городу Туапсе. Яростно рвались гитлеровцы на Кавказ и морем и по суше, но Советские войска держали оборону, отбивали атаку за атакой, и не пустили противника в город. Окрестности же Туапсе претерпели большую разруху от тяжелых боев. Раскаты залпов орудий хорошо отдавались эхом в горах.

Мы, детвора, во время боя взбирались повыше на гору и наблюдали, как время от времени на горизонте из-за гор появлялись всполохи пламени от минометного огня. Горы содрогались от взрывов. Страшно было всем. Мы переживали и боялись, что наши не устоят. Это было много раз, пока полностью врага не отбили.

Город Туапсе долго восстанавливался после войны.

МАЩЕНКО

Владимир Никифорович

Я коренной новошахтинец. Родился в 1937 году. У нас была большая дружная семья. Отец — шахтер, мама — дома на хозяйстве, с нами — детьми. Все бы было хорошо, если бы не эта проклятая война...

Когда немцы вошли в наш город, мне еще не исполнилось и шести лет. Но я хорошо помню: пришли к нам немцы и спрашивают у мамы: «Куры, яйца?». А где их брать, когда нас четверо? И они ушли. Больше обирали нас местные полицаи. Вот те лютовали. Наверное, хотели выслужиться перед новой властью, а, может, просто оттого, что свое превосходство над нами, простыми людьми, почувствовали. Мы, мальчишки, старались им не показываться на глаза, а то подзатыльника схлопочешь со словами: «У, большевицкое отродье!» Были среди полицаев и чужие, и наши местные дядьки. Куда потом делись? Наверное, с немцами сбежали.

День освобождения города запомнился мне хорошо.

Когда наши вошли в Новошахтинск, мы все высыпали на улицу встречать освободителей. По улице скакал конный отряд красноармейцев. Около нас остановился один боец и подарил мне настоящий военный бинокль. Лучшего подарка я и желать не мог.

Вскоре с фронта вернулся отец на костылях, но живой! Это была настоящая радость!

КАНОЧКИНА Валентина Ивановна

Родилась я в 1935 г. в Новошахтинске. Жили мы во время войны на Полупановке — так назывался район шахты № 7.

Отец ушел воевать в сорок первом.

А в сорок втором году наш город — вы же знаете? — был оккупирован немцами. Я тогда была еще совсем маленькая, но помню хорошо.

Во время оккупации к нам в дом определили на постой немца — офицера. Он занял большую комнату, а мы все ютились в маленькой. Мы его очень боялись. Даже нам, малым детям, не надо было объяснять, что немцы — наши враги, мы это видели своими глазами и ощущали их ненависть на себе. На улицу выходили по крайней необходимости. Когда наш жилец был дома, все старались больше молчать и передвигались на цыпочках, даже мама. Маленький брат Витя (ему было всего два года) плохо спал, вскрикивал ночью, плакал, просил кушать. Еще несмышлёныш, ему не объяснишь, что это опасно. И мама, да и мы все были в страхе, что Курт (так звали немца) просто убьет малыша,.

Однажды ночью Витя не спал, капризничал. Мама никак не могла его укачать. Курт вошел в комнату и сказал: «Виктор Иванович не хорош!», погрозил ему пальцем. Малыш испугался и затих. Моего отца звали не Иван, так пренебрежительно называли всех русских. И мы испугались, что Витя сильно разозлил немца. Но наутро Курт входит и протягивает ему конфетку. На сей раз, значит, «гроза» миновала.

Я была маленькой, но страх, который испытала во время войны, до сих пор помню!

ГАЛИНСКАЯ Валентина Ивановна

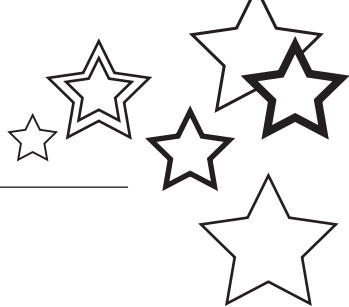

Когда началась война, мне было 11 лет. Моя мама работала до войны в райкоме партии агитатором. Когда немцы пришли в город, то первым делом начали проводить «чистку» населения. Самые неугодные были, конечно, коммунисты. Их вешали, расстреливали. Мою маму в наказание за ее активистскую деятельность хотели забить плетью. Помогли партизаны. Мама была с ними связана. И ночью нас вывезли из города. Так, скрываясь по заброшенным хуторам в округе, в партизанском отряде мы переждали оккупацию.

В 1944 году, когда город наш был уже свободен, по призыву комсомола я пошла работать на швейную фабрику шить обмундирование на фронт для нашей армии. На тот момент мне было всего 14 лет, но приходилось работать по 12, а то и по 18 часов. Бывало, я засыпала прямо на рабочем месте за швейной машинкой. Действовал монотонный шум её работы, а больше, конечно, усталость. Из того времени помню, что постоянно хотелось есть и спать, чего больше? — даже не знаю. Но мы все понимали, что наш труд помогает солдатам на фронте. Никто никогда не жаловался. Работал девиз: «Всё для фронта, всё для Победы!».

ЗИНЧЕНКО Нина Ивановна

Когда началась война, мне было шесть лет. Кажется, так мало, но я все помню, как будто это было вчера.

Отец ушел на фронт еще в 1941 году и не вернулся. Мама осталась с тремя детьми. Война принесла страх, холод и голод. Где мы сейчас с мужем живем и где стоит наш дом, на улице Северной, были окопы. А вот там, около Механического завода стояли «Катюши». И как не страшно было нам, детям, мы все равно бегали смотреть на это грозное оружие. Солдаты с нами делили свои пайки, угощали гречневой кашей. Помню, как перед самым приходом немцев в наш город, взрывали шахту № 7. Мама плакала, ведь с этим предприятием была связана вся наша жизнь.

Во время оккупации очень страшно было от гулов самолетов, разрывов мин.

Взрослые говорили об облавах. Потом было освобождение нашего города от проклятых фашистов. Затем я училась, пошла работать на восстановленную шахту № 7, вышла замуж, родила троих детей, имею троих внуков.

Как хорошо жить под мирным небом!

ЖУРАВЛЕВА Надежда Николаевна

Я родилась в 1935 году, поэтому четко помню военное время, которое пришло к нам в деревню.

Было это в 1941 году.

Во время оккупации немцы отбирали всю еду, скот. И в один их приходов немцев в дом, наша семья находилась в сарае, сюда же и зашел немец и стал ловить курицу. Поймал, посмотрел на нее, она ему не понравилась, так как была худая. Тогда он ударил курицей маму прямо по лицу и приставил оружие к животу.

Мы, дети, подбежали к маме и ухватились за подол юбки. Стали кричать и умолять, чтоб маму отпустили. Немец приказал выбрать курицу покрупнее. Мы выполнили его приказание.

У нас еще оставалась свинья. Мама зарезала ее и спрята- тала в кадку под каменный гнет, а сверху положила соленья. Немцы проверяли содержимое кадки штыками, напоролись на твердый камень, чуть не сломали штык и бросили это дело.

Так мама спасла нас от голода.

70 историй о войне

ТАНСКИЙ Степан Федорович

На фронт я попал в 19 лет. Это был 1942 год. Я закончил полковую школу младших командиров пехоты. И сразу — в горнило битвы, под Сталинград.

6 августа 1942 года в составе 196-го пехотного полка отделение, которым я командовал, вступило в бой за какой-то маленький населенный пункт. Бой был ожесточенный, земля взрывалась вокруг. Мы даже не заметили, как оказались в окружении. Бились до последнего патрона. Помню страшный взрыв, боль в голове и темнота. Когда очнулся, услышал немецкую речь и понял, что попал в плен. 70 тысяч пленных находились в лагере под Миллерово. Там я видел, как умирают люди от холода и голода. Мысль была одна — бежать. Но не судьба была тогда. Помотали нас немцы по лагерям.

Однажды перевезли нас в Курскую область на обслуживание аэродрома. Была зима, настоящая, снежная, большие снежные заносы. И когда нас отправили на расчистку дороги, во время пурги я с товарищем сбежал. Кое-как добрались мы до деревни, изможденные, обмороженные. Люди дали одежду, накормили, обогрели. Когда добрался домой, то скрыл, что был в плену, и снова ушел на фронт.

Несколько раз был ранен, но подлечивался и опять шел воевать. Так хотелось мне уничтожить эту гитлеровскую нечисть на всей земле.

МЕРКУЛОВА

Надежда Кириловна

Хорошо помню начало войны. Такое не забывается. Только что отшумел выпускной бал (я в 1941 закончила школу), получен аттестат зрелости, собраны необходимые документы для поступления в Московский институт связи, завтра нужно ехать их сдавать, а завтра... началась война. Планы изменились. Решила, что Москва далеко, а Новочеркасск рядом, и поступила на энергофак в политехнический.

Однако, долго учиться не пришлось, в апреле 1942 был объявлен комсомольский призыв: «Девушки на фронт!». Я вместе с другими обратилась в военкомат и была направлена в школу младших авиаспециалистов, размещавшуюся в Невинномысске. Когда в августе фашисты стали приближаться к городу, бомбить его, курсанты отправились в горы, в сторону Пятигорска.

Путь оказался нелегким. По дороге негде было ни поесть, ни попить. Добирались кто как мог: поездом, на попутках, пешком. И лишь под Машуком мы ненадолго собрались вместе, перекусили и пошли дальше к перевалу. С большими трудностями и приключениями добрались в Грузию, остановились в Гамборе, где и окончили летную школу по специальности «Моторист».

Мы были направлены в Лазаревское (пригород Сочи), где дислоцировался 267-й истребительный авиаполк.

Нам, девочкам, выдали обмундирование, и мы приступили к своим непосредственным обязанностям мотористов. После каждого боевого вылета, если летчики благополучно возвращались в полк, их самолеты обязательно осматривали и ремонтировали механики, а затем мы, мотористы, готовили машины к новому вылету: чистили, мыли, заправляли бензином и маслом. Вставали мы очень рано, в три часа ночи, чтобы к пяти утра самолеты были готовы. Было трудно, но терпели, не хныкали.

Там у меня состоялись самые запоминающиеся случайные интересные встречи. Одна из них — с земляком, летчиком-штурмовиком Кравцовым. Впоследствии он был удостоен звания Героя Советского Союза. До войны мы учились с ним в одной школе, дружили. А еще там я встретила со своим будущим мужем летчиком-истребителем Иваном Пантелеевичем Меркуловым. В 1945 году мы поженились и прожили не один десяток лет, вырастили двух сыновей. К сожалению, его уже нет в живых.

СОБАҚАРЕВ

Гавриил Степанович

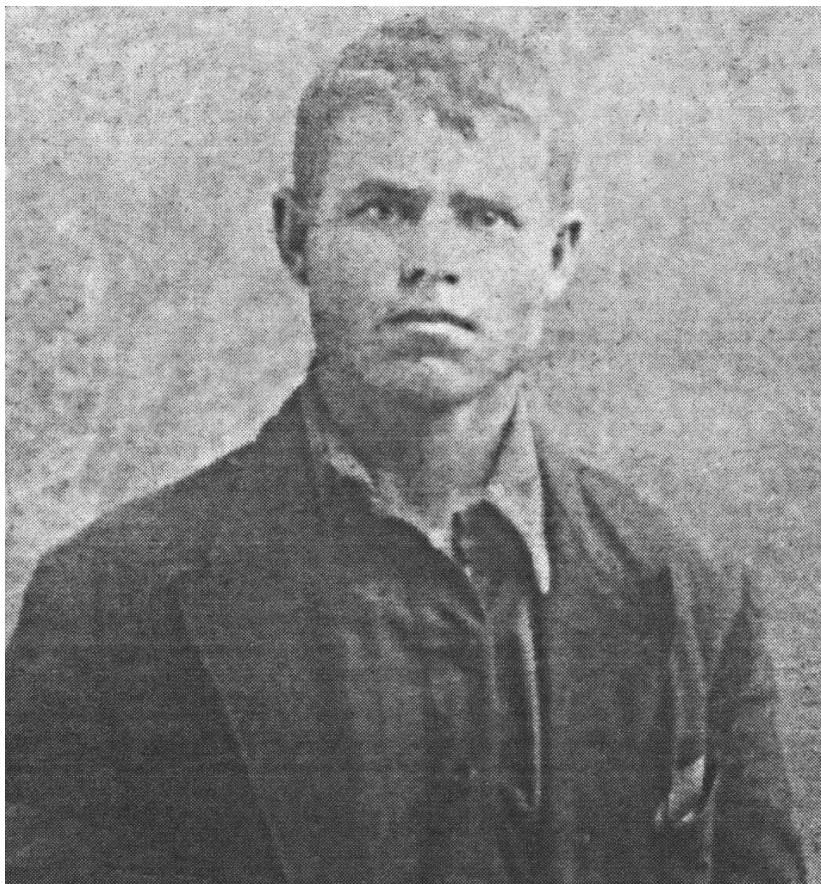
Я прошел всю войну. Служил в пехоте. Начинал рядовым. А к тому времени, как погнали мы немцев с нашей земли, я был командиром взвода. О боевых буднях можно вспоминать многое, но хочу сказать о том, что война очень грубо действует на душу человека, ожесточает сердце. Все на войне подчинено единственному: победить, уничтожить врага. И редко приходится соприкоснуться с чем-то добрым, красивым.

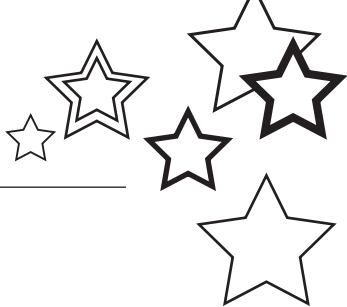
Однажды, направляясь на очередное боевое задание, мы проезжали какие-то селения. Иногда останавливались на отдых. Запомнилась стоянка в одной деревне. Было необыкновенно тепло, — весна, по времени — пробуждение природы, первая зелень. А вокруг такая разруха и нищета, куда глаз ни кинь. И вдруг мой взгляд остановился на стоявших на обочине людях.

Рядом с дедушкой и бабушкой стояла очень красивая, стройная девушка. Простенькое цветастое платье и золотистые пряди волос ее развевались на ветру. Ее улыбка осветила для меня все вокруг. Какая-то надежда для нас, любовь ко всем нам, солдатам, исходила от неё, она наполняла и тело и душу. Я прямо влюбился с первого взгляда. Она привлекла меня своей неброской красотой, как та военная весна. А затем — снова в бой.

При форсировании реки Днепр в течение суток прикрывал переправу. Только моим взводом было уничтожено около сотни немцев. Но я теперь хорошо понимал: ради такой доброй красоты и улыбок наших женщин, стариков и детей мы должны быстрее очистить родную землю от врагов.

УСС Алексей Порфирьевич

На фронт я был призван сразу в июне 1941 года ново-шахтинским военкоматом. Попал в учебный пункт под Ростовом, прошёл подготовку молодого бойца и — на фронт.

Положение тогда было тяжёлое. Силы неравные. Особенно сложно дела обстояли на Сталинградском направлении. А именно туда я и попал. Враг рвался к Сталинграду, там должна была решиться судьба исхода войны. Очень хорошо понимали мы в обороне, что от нас это зависит. Нас хорошо подковали идеологически в учебке.

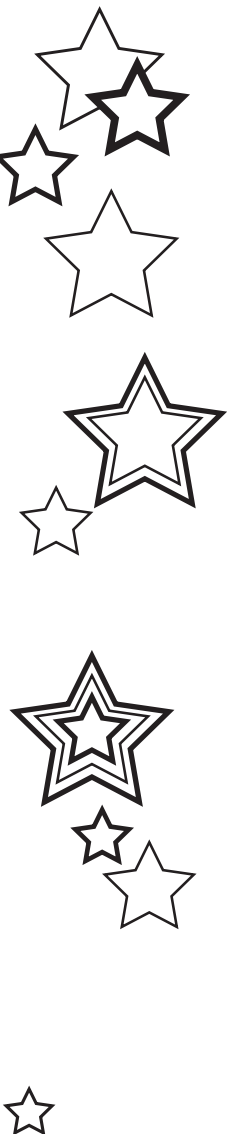
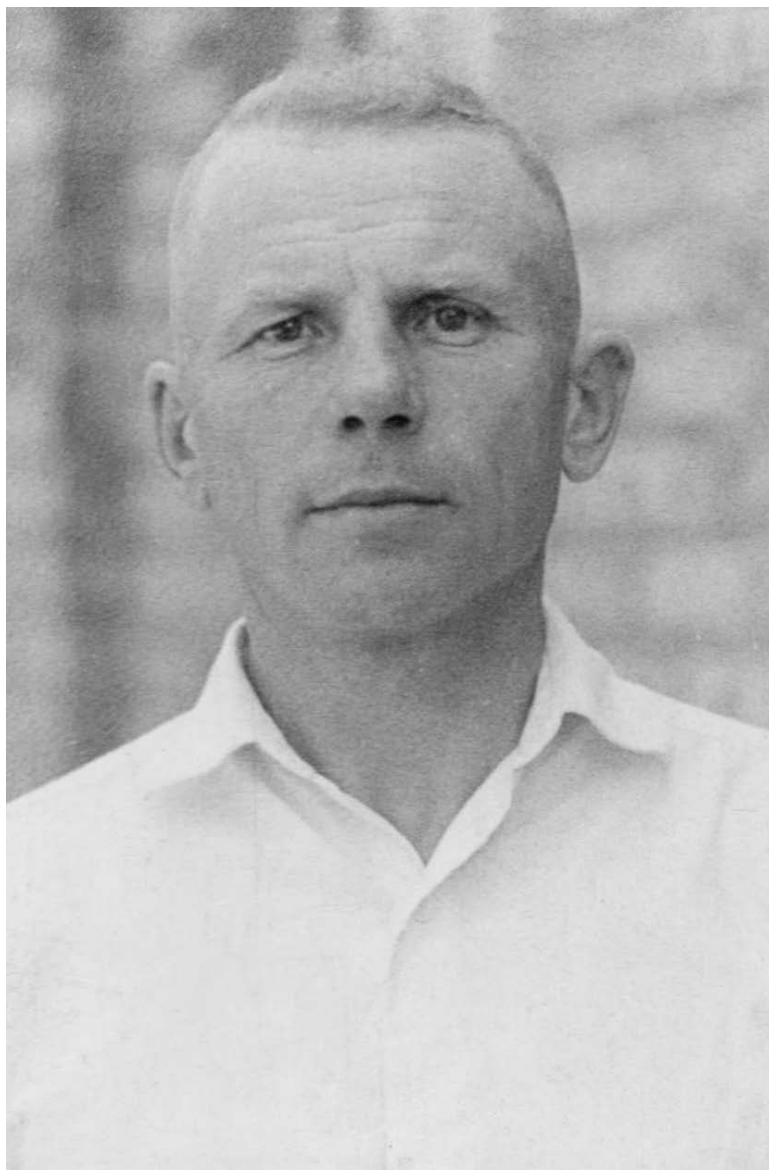
На себе испытал я под Сталинградом, что значит биться до последнего патрона, стоять насмерть. Уже был сорван гитлеровский план молниеносного захвата европейской части России. Нам оставалось держаться, тянуть время до подхода новых сил — сформировавшихся сибирских батальонов.

В один из морозных дней мы, молодые бойцы, в составе роты вступили в единоборство с десятью танками противника. Призывами «За Родину!», «За Сталина!» командиры поднимали нас в атаку. Бросившись с гранатой на танк, я получил ранение пальцев рук. В госпитале долго тогда старались не валяться, подштопали — и в часть. Когда я вернулся в свое подразделение, меня ждала уже там первая моя боевая награда — медаль «За Отвагу». Дальше были и побольше награды, но это — первая, дорогая мне.

КОВАЛЕВ

Николай Дмитриевич

После смерти отца мы с матерью приехали жить в хутор 1 мая Красносулинского района из Белоруссии.

На военную службу я был призван 5 октября 1940 г. Присягу принял 17 мая 1941 г. Военную службу проходил на Дальнем Востоке в составе 33 танкового полка. Находился на охране дальневосточной границы нашей Родины. Полк, в котором я служил, боевых действий не вел, выполнял задачи по охране и обороне государственных границ СССР, находясь в постоянной боеготовности из-за частых диверсий японцев. Самым запоминающимся эпизодом для меня, стал бой в январе 1945 г.

На участке границы, который мы охраняли, прорвался вражеский десант. Ночью нас подняли по тревоге. Наш экипаж танка Т-34 одним из первых двинулся навстречу противнику. На пути у нас оказалась река. Мост был разрушен. При попытке пересечь водную преграду танк оказался в ледяной воде. Все сумели выбраться из машины, подоспела помощь, танк извлекли из воды. Мы продолжили свой путь. Противник был вытеснен с нашей территории. Но из-за пребывания в проруби я очень сильно заболел и оказался в госпитале. Так было досадно валяться на больничной койке с воспалением легких, когда мои товарищи почти каждый день выполняли боевые задачи.

Уволен был из рядов действующей армии 8 февраля 1945 года по состоянию здоровья уже не из-за простуды, а по причине множественных ранений.

КОВАЛЕВА

Клавдия Васильевна

Родилась я в семье зажиточных крестьян под Мариуполем. В годы коллективизации наша семья была раскулачена. Отец умер от голода в 1933 году. Чтобы выжить, мать с нами, детьми, перебралась к родным, которые жили в Новошахтинске. Вместе со старшим братом мы рано пошли работать, чтобы помогать матери. Но маме тоже приходилось работать. Особенно когда началась война. Все помогали фронту.

В годы войны именно женщины заменили ушедших на фронт мужчин, занимались совсем не женскими делами. Моя мать тогда пошла работать на железную дорогу прицепщицей вагонов. На работе была травмирована и потеряла руку.

Самым ярким событием для меня был день, когда мы узнали, что война закончилась. Все радовались, плакали. Все ждали возвращения домой родных. Я работала тогда в пожарной команде. Для меня моя работа стала еще и судьбоносной. Ведь со своим мужем я встретилась именно там. После демобилизации из армии он пришел работать водителем на пожарную машину. В июне 1945 года мы поженились. Вместе прожили 55 лет.

ШУЛЬГА

Антонина Ефремовна

Война пришла как-то неожиданно. Немцы вступили и в наш город. Я была еще совсем молоденькой. Когда мы находились в оккупации, было очень страшно. У нас немцы не жили, но часто заходили и брали все, что хотели. А что у нас брать-то было? Мы и до войны жили небогато. Немцы злились, переворачивали все во дворе, в доме и ругались на нас.

Был страшный голод, я хорошо помню, как кушать хотелось постоянно, даже во сне.

Работала я на погрузке угля. Наш город шахтерский. А уголь был тогда основным топливом. Женщины, и мама моя тоже, в шахту пошли работать, уголь рубили. Работа и для мужчин тяжелая и опасная. Наверное, там и подорвала мама себя, рано умерла. А мы, молодежь, на поверхности вагонетки толкали, загружали вагоны углем. Работали тогда вручную, по 12—14 часов, было очень тяжело.

Однажды мне пришла от немцев повестка на работы в Германию. Спас случай: я заболела вирусной болезнью и меня оставили дома. Больные им там не нужны были. Хорошо.

А тут вскоре погнали наши немцев. И нам стало работать легче и веселее. Я втянулась в шахтерскую жизнь. Так и проработала на шахте до пенсии.

ГРЕЧКА

Клавдия Николаевна

Я родилась в многодетной семье в хуторе Грачевская балка Зверевского района Ростовской области.

И к нам в хутор пришла война, в 1942 году, когда мне было всего четыре года.

Немцы зашли как хозяева, все запасы продовольствия в семьях были отобраны, мы чувствовали большой голод. Завоеватели ходили по домам с винтовками, угрожая нам и направляя штыки на нас. Во всех фильмах немцев показывают с автоматами наперевес, а мне запомнились их винтовки со страшными штыками. Мы, дети, очень боялись их, так как понимали: защитить нас некому, все мужчины ушли на фронт, на защиту Родины.

Так вот, отобрав у нас запасы еды и разложив свои боевые пайки, немцы устраивали пикники на голодных наших глазах.

После мы подходили тихо и нюхали остатки еды, консервы, но не трогали их, мама запретила нам трогать объедки, они могли быть отравлены, так развлекались фашисты.

Когда были холода, мои братья ходили за дровами в лесополосу. Немцы заминировали всю окрестность, и во время сбора дров мой брат Иван 12-ти лет нарвался на мину и погиб на месте. Так погибали многие и старшие. Истребляли нас немцы, как могли.

ШУШПАНОВ

Михаил Осипович

На фронт призывался я из родного Ижевска. Сразу попал под Волоколамск, где шли ожесточенные бои за Москву. Вот в этом котле в окружении был тяжело контужен, потерял сознание, почти совсем лишился слуха, который не восстановился и впоследствии. Но то, что глухим остался на всю жизнь, мучился от частых приступов жуткой головной боли и звона в ушах, было не так страшно. Ужаснее было то, что очнулся я в плену. А дальше — 2 года за колючей проволокой по концлагерям. Вспоминать об этом не хочется. Но хочу рассказать одну историю...

В каком-то лагере (названия уже не помню) работали мы, пленные, в каменном карьере. Труд был изнуряющий, тяжелый, задыхались от пыли, кашляли все, «легкие выплевывая». А кормили нас ужасно, можно сказать, совсем не кормили. От голода и истощения многие «мерли» на ходу. Так вот, в редкие минуты отдыха выбирались мы из карьера наверх, где деревья, трава, можно дыхнуть свежим воздухом. Там пытались найти что-то съестное. Съедобное или не съедобное — жевали все: сочную траву, почки с деревьев... А однажды мне несказанно повезло: рыл я под горкой съедобные корешки и наткнулся на кладовку какого-то зверька, наверное, хомяка. Очень вкусные были те зернышки пшеничные и других злаков из звериных запасов, быстро хватал я их в рот, глотал почти не разжевывая. А когда чуть насытился, рассовал остальное по карманам, ребят угощал в бараке, и сам смаковал давно забытый вкус хлеба.

Вот такая моя военная история.

ВАСИЛЕНКО

Иван Георгиевич

Родился я в Луганской области. Вы знаете, тот, кто был на фронте, не любит говорить о войне. Война — это кровь и смерть. Погибают бойцы, умирают от голода и издевательств захватчиков мирные люди — очень трудно говорить о смерти. Но я понимаю, что об этом надо знать молодежи.

Военная история моя такова:

В 17 лет я ушел на фронт, попал в 32-й стрелковый полк. Мечтал стать танкистом, и это мне удалось в середине войны. К 1944 году служил в 33-м танковом полку. В августе этого же года был тяжело ранен в левую ногу. Жизнь мне спасла обычная санитарка. Она под пулями тащила меня на своих хрупких плечах до самой санчасти. Благодаря ей остался жив.

Наш танковый экипаж вместе прошел два года войны. И вот наконец настал долгожданный День Победы. Солдаты радостно праздновали этот день. Никто не мог предположить, что их жизнь оборвется так нелепо. Я отошел ненадолго от своих товарищей. И в это время прогремел взрыв. Это был шальной снаряд. Все члены экипажа погибли, в живых остался только я.

ВАСИЛЕНКО Екатерина Ивановна

Я родилась и выросла в хуторе Петровском Красносулинского района. Семья у нас была большая — шесть человек детей. Отца забрали на фронт в первый день войны. Мама в это время была беременна.

Отец находился в городе Ростове на обучении в военном учебном пункте. Мама узнала об этом и решила проводить отца. Она собрала «тормозок», взяла с собой старшую дочь, мою сестру, и поехала.

С отцом ей так и не довелось свидеться. Прямо на вокзале в Ростове у мамы начались схватки, ее забрали в больницу и родилась моя младшая сестра Любочка.

В этот же день в районе больницы началась бомбежка. Поднялась паника. Все бежали, но маме некуда было бежать, да и тяжело ей было это. И тогда одна старенькая санитарка пожалела мою маму, взяла ее с детьми к себе домой. А через несколько дней, когда и мама и Любочка окрепли, привезла их к нам домой на хутор.

Мы так обрадовались, а то боялись, что мама где-то сгинула в большом городе да в такое беспокойное время. А вот отца с фронта мы так и не дождались.

СИТНИЧЕНКО Иван Федорович

Когда началась война, мне еще не хватало лет для призыва в действующую армию. Но я не хотел отставать от других мужчин и пошел учиться в артиллерийское училище.

Когда немцы вступили на нашу Донскую землю, мы, курсанты, тоже участвовали в обороне Донбасса. В одном из боев мы артиллерийским огнем несколько часов отражали активные атаки немцев, одну за другой. Нас осталась горстка — 20 человек. Боеприпасов — ноль. Немцы были уже на расстоянии броска гранаты, завязался тяжелый бой, переходящий в рукопашный.

Вдруг — орудийный выстрел, совсем рядом. От ударной волны я потерял сознание. Сколько так пролежал, не знаю. Когда очнулся, почувствовал, что закован в земляной мешок. Сначала звал товарищей, но в ответ тишина... Жить очень хотелось. И я стал пытаться поворачиваться с боку на бок, но грунт только уплотнялся. Тогда попытался сжимать и разжимать мышцы, и в какой-то момент почувствовал, что земля поддается. Прошло несколько часов, прежде чем достал я левую руку, которой стал разгребать землю. Выбрался с трудом. Правая рука не работала, в голове шумело. Долго не мог понять, в какой стороне свои. Передвигался с трудом и с опаской, короткими перебежками. Добрался. Меня госпитализировали.

Это было мое первое военное испытание. А дальше всю войну — на фронте.

БЕЛИКОВА Дина Романовна

Фронтовых будней как таковых у меня не было. Но с самого начала войны я около года служила медицинской сестрой в санитарном поезде. Под бомбежками спасали раненых солдат. Забирали их прямо с передовой, бои тогда шли на московском направлении. Перевозили раненых тогда аж за Урал. С Урала везли только что мобилизованное пополнение на передовую.

Но хочется рассказать о другом.

С 1942 года я работала заведующей горздравотдела станции Кущевская. Станица эта несколько раз переходила из рук в руки то к немцам, то к советским войскам. Работать приходилось и при немцах. Мы врачи и призваны спасать всех людей. В один из таких моментов двух моих врачей, операционную медицинскую сестру и меня как главного доктора забрали фашисты прямо с рабочих мест и повезли в город Ростов-на-Дону для допроса в Гестапо. За что нас взяли, мы даже не могли понять, но что вряд ли нам оттуда доведется вернуться, понимали хорошо.

При подъезде к Ростову началась бомбежка и задело нашу машину, взрывом убило врачей и наших конвоиров. Мы с молоденькой медсестрой остались чудом живы. Пешком по посадкам вернулись мы назад в Кущевку.

Повезло нам...

КОЛЕНКО

Полина Михайловна

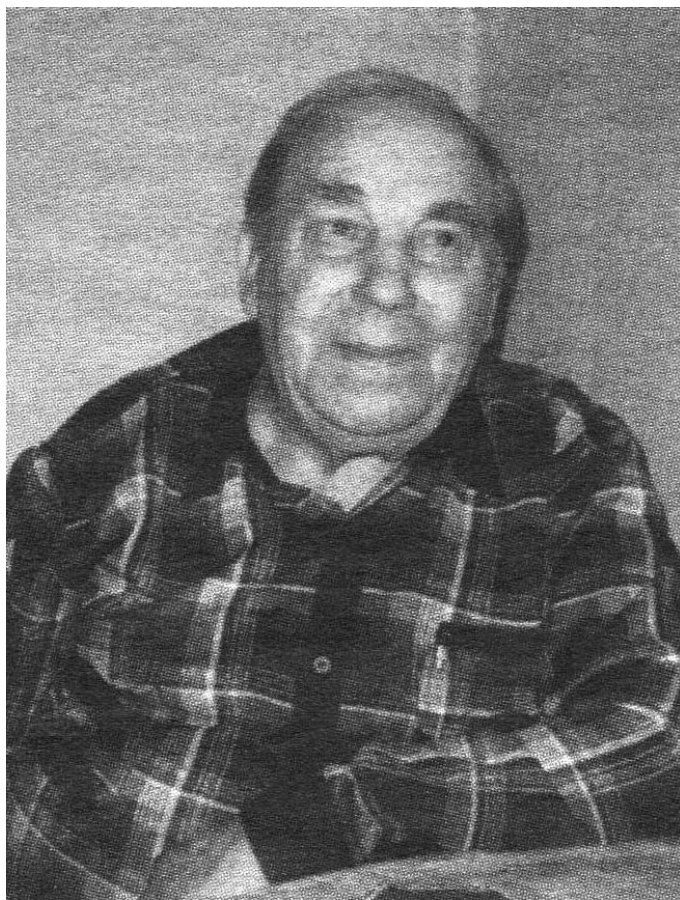

Я прошла всю войну. Еще до войны выучилась в автошколе, получила права. С августа 1941 года я служила при артиллерийском полку, была водителем полуторки, возила снаряды, снаряжение для бойцов и запчасти для орудий на передовую линию фронта. Демобилизовалась в июне 1945 года в Праге, в Чехословакии.

Но как сейчас стоит у меня перед глазами один случай.

Однажды, было это в 1943 году на переправе через Днепр, я подъехала к переправе последней. Меня, уставшую, из вежливости пожалел один из водителей и пропустил вперед себя. Только мы въехали на переправу, начался налет немецких бомбардировщиков, и в машину того человека, который меня пропустил, попал снаряд, водитель погиб. Мне сразу стукнуло в голову: не уступи он мне свое место, погибла бы я. Добравшись до берега, я отъехала к лесочку и долго стояла, не могла отойти от этого. Имени того парня я так и не узнала, но поминаю его до сих пор с благодарностью за свою жизнь.

АНДРИЕНКО Николай Юрьевич

Прежде чем попасть на фронт по призыву в годы войны, я закончил курсы боевой подготовки зенитчиков и этим очень гордился. Специальность моя была дефицитная. Зенитные установки стали тогда новым грозным видом вооружения для Красной армии. Мы все рвались быстрее на фронт. Ускоренный выпуск — и первым местом боевой службы стала зенитно-артиллерийская часть № 1 Украинского фронта.

Помню свое первое ответственное задание командования: Мы выполняли боевую задачу — прикрывать от врага переправу через Днепр, не давая немцам атаковать паромы, на которых переправлялась техника и люди. Гитлеровцы били по нашим войскам и с воздуха и с земли, но мы, артиллеристы — зенитчики, упорно отбивали их атаки. И переправа частей была успешно завершена. Это была моя первая, пусть не великая, но победная битва. Небольшая передышка — и снова в бой, но на этот раз под город Николаев.

Затем были ответственные задания по охране мостов на Хортице и другие. Но первый бой запомнился больше всего.

ГАЛУШКИН Михаил

Я служил в разведке. В составе разведгруппы саперного полка прошел всю войну.

Участвовал в освобождении Ростова. Немцы, когда отступали, позаминировали наши степные дороги. Работы саперам доставалось.

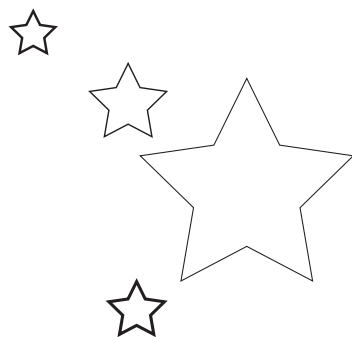
Однажды наша группа из пяти человек получила задание достать карту минных полей. Через линию фронта прошли спокойно, добрались к немецкому штабу. Выследили «языка». Но при захвате немецкого офицера погиб один солдат из нашей разведгруппы.

Продвижение к своей части давалось тяжело, приходилось отстреливаться. Мы с товарищем тащим немца, а двое бойцов нас прикрывают. В перестрелке их обоих убивают. Как-то вышло, что ранило и немецкого офицера.

Вдвоем, мы кое-как дотащили немецкого офицера до наших окопов. И только начали переползать в окоп, как ранило и меня. Товарищу моему пришлось одному тащить и немца и меня. Вскоре нас заметили наши солдаты и помогли. Задание командования было выполнено, карта была добыта.

ГЕОРГИАДИ Елена Власовна

Я родилась в селе Гранитное Тельмановского района Донецкой области в большой многодетной семье. К началу войны была еще в подростковом возрасте, но уже работала в колхозе, чтобы помочь родителям.

В период с марта 1942 по январь 1943 года в нашем селе располагалась немецкая пехотная часть, а мы, комсомолы, а вообще, почти дети еще, тайком прятали раненых советских бойцов в небольших, нами же построенных в колхозных садах, землянках. Наше село было греческое, старинное и надежное, где все жили очень дружно, стояли горой за своих. Еда собиралась всем миром. Но жили мы тогда впроголодь, много не соберешь. Приходилось молодежи, которая была постарше, улыбаться немецким солдатам, заигрывать с ними, отвлекать во время во время их застолий, чтобы мы, младшие, незаметно таскали со стола продукты и не ели сами, а прятали их. А самые отчаянные из нас ночью пробирались к землянкам, где были наши солдаты, носили им продукты. Иногда удавалось украсть у немцев какие-то медикаменты.

Страх не было, было желание хоть чем-то помочь старшим ребятам, и просто детское любопытство. Наверное, мы просто играли в войну. А может, все мы были настоящими патриотами Родины?

ГАЛУШКИНА Александра Романовна

Когда началась война, я жила в станице Тацинской нашей Ростовской области. Была молоденькой, но уже работала на молочной ферме.

До прихода немцев наш колхоз снабжал фронт зерном и мясом. На ферме работали одни женщины. Приходилось самим бить коров и бычков. Жалко было истреблять стадо, но требовалось продовольствие, надо было кормить нашу армию.

А перед приходом немцев на Дон весь скот порезали, так как отогнать в тыл не было возможности. Хорошо, что хоть успели управиться. Помню, как нашу колхозную технику рабочие разбирали на запчасти и хоронили их по хатам.

Потом, когда фашистов прогнали, из спрятанных запчастей кое-как собрали два трактора. У кого осталось зерно, сдали в сельсовет и засеяли два поля. Меня поставили заведующей фермой. Пришлось коровушек с трудом разводить. Хорошо, в селе бычок сохранился.

Затем начали возвращаться с войны мужчины, но почти все были инвалиды, кто без рук, кто без ног. А кто просто изможден войной. Наше молочко и мяско ох как нужно было тогда.

КРИЦЫН Алексей Алексеевич

На нашу долю выпало трудное военное голодное детство. Мать моя работала тогда в совхозе на складе.

При отходе наших войск все складские запасы, что успели, вывезли. Был подожжен склад с оставшимся зерном.

Когда были бои в городе и советские войска отступали из Новошахтинска, к нам во двор зашли майор и четыре солдата попить воды. Бабушка их покормила, дала что-то с собой.

А на следующий день мы с бабушкой пошли в поле за травой и нашли этих военных убитыми. Бабушка быстро послала нас за мамой, и они вдвоем похоронили наших солдат в поле. А документы их забрали, спрятали дома, чтобы потом сообщить родным об их гибели.

Для нас мало того, что оккупация началась, но и наступил голод.

Мы с мамой ходили к обугленному складу выбирать не-догоревшее зерно. Потом на ручной мельнице его мололи в муку.

Кто-нибудь из детей (а нас было четверо) прибежал к маме на работу с чистой тряпочкой, мама мочила эту тряпочку в масле. Дома бабушка протирали ею сковородку и пекла нам пышки.

Так и выжили...

КОТЛЯРОВА Пелагея Андреевна

В 1943 г. линия фронта проходила через наше село Алексеево-Тузловка.

Измученная тяжелыми боями при отступлении, в нашем селе остановилась конная дивизия, а вернее, что осталось от дивизии. У нас на подворье тоже разместились бойцы. Лошади были привязаны в саду. Солдатам мы уступили дом. А мы с мамой и моими младшими братьями перешли в летнюю кухню.

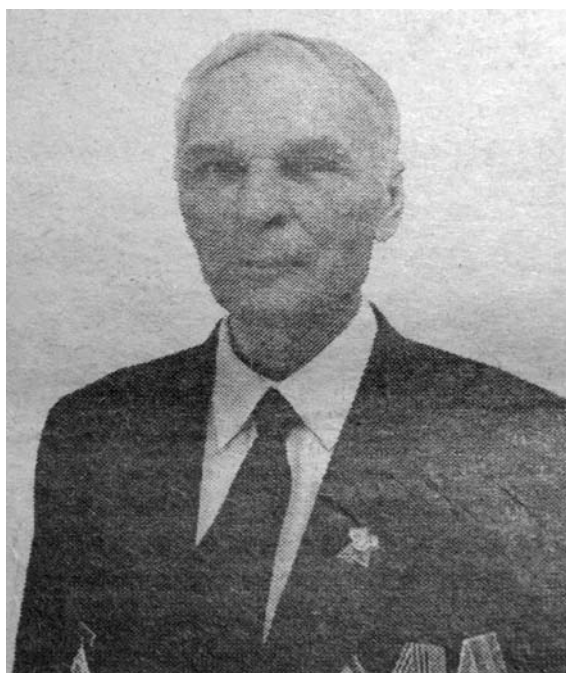
Все мужчины нашей семьи были на фронте, защищали Родину. И мама с большим вниманием и сочувствием относилась ко всем военным. Обстирала их. Старалась подкормить пусть не богатой, но домашней стряпнёй.

В ночь на 25 июля 1943 года в село неожиданно ворвались немцы. Все спали. И наших постояльцев враги тоже застали врасплох. Наверное, по наводке местных предателей немецкий танк заехал прямо к нам во двор. Немецкий офицер, руководивший этой операцией, маму и нас, детей, загнал в подвал со словами «Матка, шнель, шнель...», а танкисту приказал залпом из пушки уничтожить дом. Дом был деревянный, и наши бойцы заживо сгорели в нем.

Свидетелем вот такой страшной трагедии мне довелось стать в свои 16 лет.

НИЩЕГЛОВ

Николай Александрович

Я родился и вырос на Украине.

Хорошо помню, как в наш город вошли немцы. В нашем доме расквартировались трое немцев, да нас четверо детей и мама. Старшему офицеру Курту, так звали немца, прислуживали двое здоровяков из украинской добровольческой армии, которые пытались во всем угодить ему, как липку обдирали и без того небогатую нашу семью. Как-то я услышал, как мама плачет и кричит: «У меня дети, чем я буду их кормить?». Это двое полицаев хотели зарезать корову. Они не обращали внимания на слезы матери. И тут вдруг Курт крикнул им что-то по-немецки. Корову, нашу кормилицу, оставили в покое, не забрали.

Всю войну Украину сильно бомбили. Когда начиналась бомбежка, было очень страшно, потому что бомбы издавали страшный свист. Люди прятались в погребах, ямах, бежали в балку. Бомбили обычно ночью. Поэтому каждый вечер, ложась спать, мы одежду держали рядом с кроватью, а мама собирала в узелок что-то из продуктов, и — на лавку около двери.

К зиме стало совсем трудно. Собранный урожай овощей подходил к концу. Постоянно ходили за дровами в лесок, чтобы топить печь. Хоть и холодной и голодной была зима, но мы же дети, игры никто не отменял: на санках катались, строили снежную крепость, грызли сосульки, представляя, что это леденцы.

Когда в город вошли наши солдаты, то кричали от счастья, прыгали!

РУЛЛА

Иван Игнатьевич

Первые месяцы войны были очень тяжелыми: сильная усталость, эмоциональное напряжение — тяжело было видеть как умирают товарищи, с которыми ты только разговаривал, общался, делился последним куском хлеба.

24 марта 1942 года получил тяжелое ранение в левую ногу и был госпитализирован, затем дали отпуск. Но Новошахтинск был захвачен немцами, ехать было некуда. Я отказался от отпуска, вернулся на фронт. Даже думать не мог, какие тяжелейшие испытания меня ждали впереди...

В июле 1943 г. попал в плен, прошел «лагеря смерти» — Польша, Венгрия, Чехословакия, Германия. Работать приходилось в каменоломнях, уставали невероятно, если кто не мог двигаться самостоятельно либо пристреливали, либо пускали на людей собак. Но я, наверное, родился в «рубашке». Освобожден из плена 4 мая 1945 г. После освобождения еще служил в отдельном рабочем стрелковом батальоне.

Это только официально война закончилась в мае. Зачистки отдельных мест в Германии проводились еще долго. Нужно было уничтожить все очаги фашизма. Я воевал по октябрь 1945 года.

СЕЛЕДЕЙКИНА Ефимия Фроловна

В 1940 году я закончила 7 классов и поступила учиться в город Каменск в медшколу. Военная подготовка была там одним из основных предметов. По комсомольской путевке ушла на фронт в 17 лет. После кратковременного обучения уже в апреле 1942 года. попала в 71-й отдельный батальон оповещения и наблюдения связи под городом Лисичанском Ворошиловградской области.

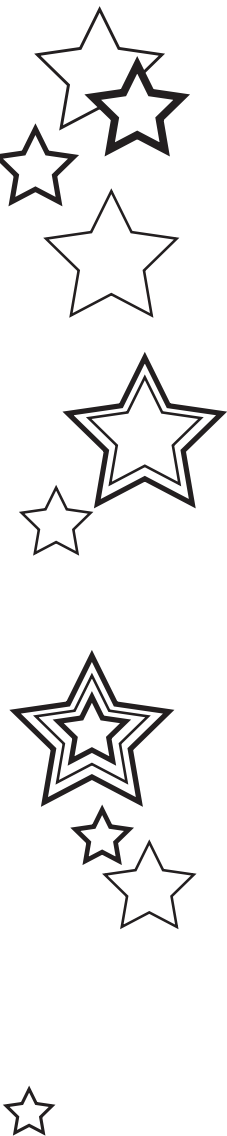
Наш батальон отвечал за исправление линии связи. Девушки нашего полка тянули линии связи и в холод, и в дождь, и в снег. Особенно тяжело было в Смоленских лесах. Однажды я тянула связь около села Шипулино, вдоль реки Вязьмы. Продрогла настолько, что казалось, двигаться совсем не могу, но до села дошла. В крайней избе мне помогли согреться, накормили, уложили на русскую печь. И я отошла от холода, не получив даже воспаления легких! Я смогла опять вернуться к своим обязанностям.

С 1942 года по 44-й год служила я в Армии. Почему не до конца войны? Потому что в 1944 году я получила тяжелое ранение левой руки, и в полевом госпитале мне ампутировали ее по локоть. Представляете, такое для девятнадцатилетней девушки! Как было тяжело с этим смириться. Но благодаря поддержке моих родных и близких я смогла стать полноценным человеком.

И после войны не считала себя инвалидом. Ни дня не сидела дома. Работала в совхозе, затем на шахте № 7 счетоводом, потом на шахте Западная-Капитальная бухгалтером.

ВАЩЕНКО

Нина Ивановна

Во время войны наша семья — папа Кашеваров Иван Дмитриевич, мама Анастасия Павловна, я и три моих сестры — жили в Витебской области в городе Лепель.

В 1942 году там был создан партизанский отряд, в котором были и мои родители. Мы, дети, жили у бабушки в доме на окраине города. Мама там готовила еду партизанам и часто брала нас с собой в лес помогать таскать бидоны и корзинки с продуктами. Но в середине 1943 года по доносу дезертира отряд окружили, взяли почти всех, кто там был. В городе на площади устроили публичную казнь. Согнали мирных жителей и заставили смотреть на расстрел партизан. Мы с мамой были тогда у бабушки, и поэтому остались живы. Хотя я была маленькой, я помню, как кричала мама, когда узнала о смерти папы.

Немцы не разрешали долгое время хоронить убитых в устрашение тем, кто помогает партизанам. Уже после войны все расстрелянные, и мой отец среди них, были похоронены в братской могиле.

А мама продолжала партизанить до прихода наших и освобождения Витебска.

По семейным обстоятельствам я переехала из Белоруссии в Новошахтинск. Моя мама, ветеран войны и участник партизанского движения, прожила долгую жизнь, имела много наград, в старости жила вместе со мной.

КОЦАРЬ Виталий Васильевич

Во время Великой Отечественной войны мне было 8 лет. Жили мы на Украине в селе Мошны в двухстах км от Киева.

Немцы вошли в наше село, расквартировались. Запомнились их закатанные рукава рубаш. Многие были на велосипедах. Они заходили во дворы, ловили и стреляли кур. Тут же приносили их хозяевам, чтобы кур общипали и приготовили. Требовали «Яйко», «Млеко». Заставляли жарить яичницу. В нашей хате было очень большое зеркало, немцы его утащили и установили в бане. У немцев были красные велосипедные камеры. Они их клеили и сушили на подсолнухах. Мальчишки украли одну из них и сделали себе оружие — рогатки.

У нас в дальней комнате квартировал немецкий офицер. Все ходили на цыпочках, чтобы его не потревожить. Однажды во дворе один эсэсовец пристал к моей маме, потянул ее за руку в огород. Мама упиралась, и он хотел ее застрелить. Но бабушка вовремя это заметила и бросилась за помощью к квартировавшему у нас офицеру. Тот помог, и маму не расстреляли. Еще помню, как немцы убивали нашего рыжего теленка, били кувалдой по голове, а он долго не умирал.

Однажды подогнали машину, погрузили в нее детей и увезли. Все очень испугались, но оказалось, что увезли только на разгрузку бумаги. Один немец подарил мне кулечек с монпасье (леденцы такие). Когда линия фронта сместилась и немцы собрались уходить, то они захотели всех жителей села загнать в церковь и там сжечь. Но вокруг села были леса с партизанами. Нас спасли. Был большой бой. Всю ночь летали самолеты, падали бомбы, слышалась стрельба. Партизаны выгнали фашистов.

КОЦАРЬ Людмила Ивановна

Во время войны мне было 8 лет. Я помню, как при наступлении немцев мы эвакуировались из города Шахты. Ехали в теплушках. Запомнилась станция Изварино. У меня была обязанность: когда заходили проверяющие, я с гордостью сообщала, что наш вагон № 514!

Немцы начали бомбить эшелон. Моя мама была беременна, но панике старалась не поддаваться. Она закрыла собой выход из вагона и никого не выпускала, сказала, что если суждено, то умрем здесь. А люди выбегали из вагонов, их расстреливали с самолетов. А те, кто остался в поезде, не погибли. Так мама спасла нас всех от гибели.

В годы эвакуации мы жили в Киргизии. Город Ташкумыр — это угольный бассейн в горах. Когда сходил снег, то появлялось огромное количество малярийных комаров. Малярия уносила огромное количество жизней. По 40 гробов каждый день. Но государство заботилось о людях: в 1941 году изобрели лекарство Акрехин, и эту новинку быстро запустили для спасения людей. От этого акрехина все ходили желтые, но не умирали.

И русские, и киргизы жили мирно, друг друга не обижали. Школы были и русские, и киргизские. Русские учителя ходили в киргизские школы учить их детей. Питание было очень скудное. Продукты отоваривали только вечером. Было много бандитов, которые охотились, где чем поживиться. За продукты могли убить. Поэтому люди боялись ходить в лавку. Но наш папа работал и получал паек. Так и выжили.

АФАНАСЬЕВА
Анастасия Андреевна

Я прошла плен и дважды могла погибнуть. Один из моментов расскажу.

Это случилось, когда пригнали новую партию пленных. Через несколько дней была проверка: немцы выстроили в ряды всех. Вместе с полицаями и фашистами шел молодой парень, который пальцем показывал то на одного, то на другого человека. Их грубо вытаскивали из ряда и отводили в сторону. Поравнявшись со мной, он указал и на меня. Набралось человек двадцать. Нас заперли в сарае. И только на следующий день пришел немец в сопровождении трех полицаев и сказал, что пленные будут расстреляны за пособничество партизанам.

Задержанные старались объяснить немцу через переводчика, что парень их оговорил. Когда «гости» ушли, стали думать, предполагать, почему именно на нас указал тот молодой человек. Зачем он так поступил? Испугался напора немцев? Хотел так себя спасти? Этого мы не узнали никогда. Я уже мысленно со всеми попрощалась. Вдруг в полдень распахнулась дверь и кто-то скомандовал: «Выходи, быстро!». Все подумали, что поведут на расстрел. На самом деле нас пригнали назад в барак.

Что произошло? Так и осталось это загадкой навсегда.

ВОЛЬВАЧ

Татьяна Николаевна

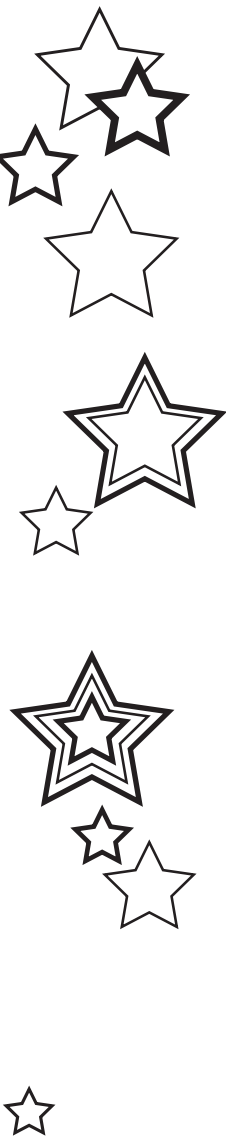

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 12 лет. Жили мы в селе Краснояр Оренбургской области. Почти все мужчины села ушли добровольцами на фронт или были призваны в ряды Красной Армии. К нам в Оренбург эвакуировали много военных заводов. Армии необходимо было новое оружие и техника. Рабочих не хватало. Деревенские женщины ездили работать на оборонный завод. А у нас, детей, в нашем селе было особое задание: во время сбора зерна мы собирали колоски. А по вечерам мы вязали из шерсти овец и собак носки и варежки для солдат. Потом посылками отправляли их на фронт.

В колхозе было стадо овец и коров. И я работала на ферме телятницей. А когда мне исполнилось 14 лет, пошла на повышение — меня назначили дояркой. Работа была тяжелой, трудились по 18 часов в сутки, а иногда даже оставались ночевать на ферме. Там же на ферме перегоняли молоко. И изготовленную руками детей продукцию: творог, сливки, сметану — отправляли солдатам на фронт.

ХОПЕРСКАЯ Лидия Михайловна

1942 год. Шел второй год войны. Мне 8 лет. Но будучи ребенком, я уже познала войну сполна. Хотя находилась на неоккупированной территории, далеко от линии фронта.

Папа мой был на войне. А мама осталась с тремя детьми. Сестренке в ту пору было 3 года, а братику — 8 месяцев. Мама бралась за любую работу и оставляла на меня двоих детей. Была в то время карточная система, т.е. пайковая, 200 г хлеба на ребенка. Спустя много лет я не могу забыть плач своей сестры, которая постоянно просила кушать. Ей, еще несмышленной, невозможно было объяснить, что есть нечего. Я отдавала ей свой паек, оставаясь голодной до вечера.

Чем мы только не занимались тогда. Ходили на торфяные болота и в лес добывать топливо для печки, чтобы хоть как-то обогреть жилье. Сил у меня было мало, но я старалась помогать. Ели что попало. Ездили в степь, выкапывали какие-то корни, варили их, смешивали с отрубями, пекли лепешки и ели. Вылавливали черепах и варили из них суп, добавляя к нему лебеду.

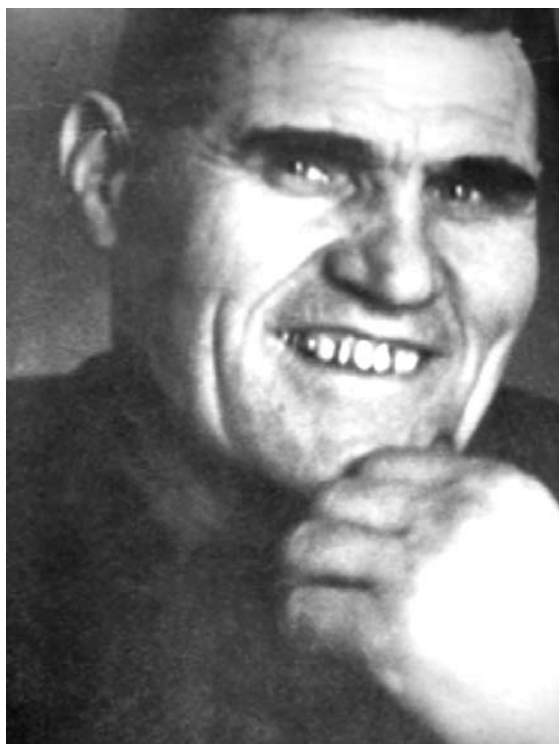
Летом помогали в совхозе с уборкой урожая. Работали под лозунгом «Все для фронта, все для победы!».

Нас, школьников, часто возили в госпиталь с концертами для раненых солдат. Раненых было очень много. Крики, стоны, вопли, взывающие о помощи, окровавленные тела, у многих отсутствовали руки, ноги. В такой яростной борьбе, падая от усталости, боли и голода я прожила 4 года.

С фронта уже давно стали приходить радостные новости. Бои шли за пределами нашей Родины. Это так подстегивало, придавало нам сил.

КАРЕЛОВ

Алексей Федосеевич

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 13 лет. В это время мы с родителями жили в Бурлацком районе, в совхозе Большевитская искра. Вот что помню о своей жизни в военные годы:

Это было в 1944 году. Однажды ночью приехали к нам партизаны с двумя подводами, в которых находилась взрывчатка. Они разбудили моего отца и попросили его перевести их через реку Буйвала, на противоположном берегу которой

находилась немецкая колония Давсун. Через реку лежал мост, но партизаны боялись переправляться по нему, так как он охранялся немцами. Партизаны хотели перебраться вброд. Мой отец Федосей Никитьевич согласился показать им место, где было мелко и твердое дно. Он перевел их через реку.

А еще вспоминается тот день, когда немцы вошли в наш совхоз. Моя мать Надежда Николаевна, чтобы немцы не заселились в нашем доме сделала так: легла на кровать и притворилась больной. Немцы забежали в дом и увидели, что на кровати лежит больной человек, выбежали из дома. На двери они повесили табличку «Больной». Так у нас никто и не заселился.

Однажды нас вдвоем с моим другом Степаном вызвали в контору и отправили на работу — перевозить шерсть. Мы запрягли лошадей и поехали. Работали целыми днями. Ночью мы были под охраной, чтобы никуда не сбежали. Мы спали на соломе, нас не кормили (ели то, что взяли собой). Однажды мы ехали мимо нашего села. Кто-то передал моим сестрам, что мы будем проезжать мимо. Они вышли на дорогу с пакетами с едой. Переводчица объяснила немцу, что это ребятам принесли продукты. Лошадей остановили, и сестры передали нам сумки.

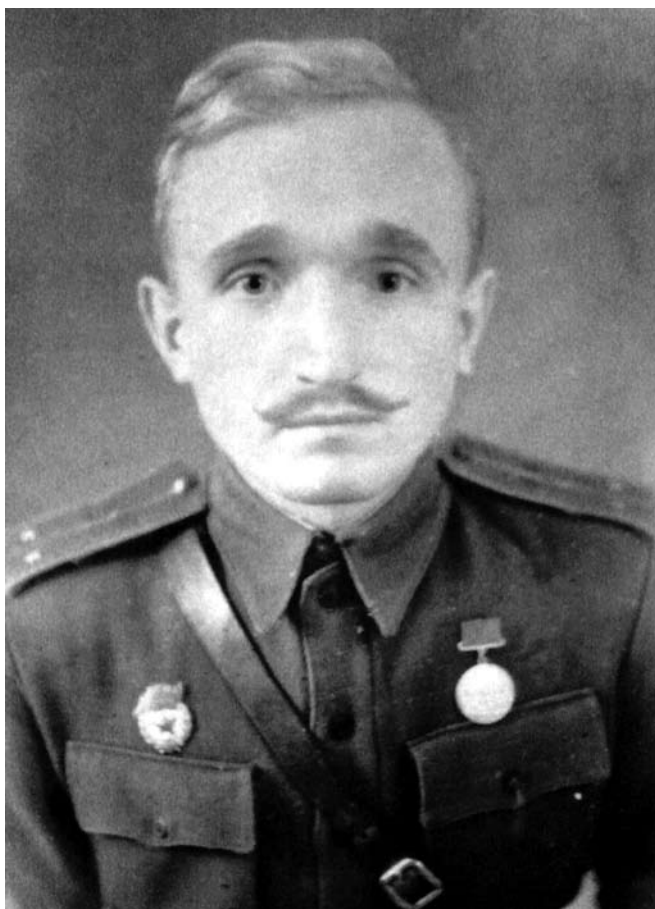
Вечером мы приехали на центральную усадьбу совхоза. Мы со Степаном пошли отводить лошадей в конюшню. Там было окно, которое выходило на улицу. Я предложил Степану бежать. Через это окно мы убежали в степь. Очень боялись, что немцы пойдут искать нас с собаками по следу, но никого не было. Переночевали в стогу. Утром побежали дальше. В крайнем дворе нашего села залезли на чердак в сарае, и там просидели весь день, следили с крыши за дорогой. Никого не было. Вечером пошли домой. Дверь мне открыла мать. Представляете, как мы были рады встрече.

Вот так я убежал от немцев.

ВАСИН

Николай Семёнович

Я родился 19 декабря 1916 года в деревне Кочеты Орловской области.

Прошел всю Великую Отечественную войну. Никому не верьте, что на войне не страшно. Страшно было всегда. Но то, что было на Курской дуге нельзя сравнить ни с чем.

Помню, после выхода из окружения под Старым Осколом я был направлен командиром отделения в 8-й отдельный офицерский штрафной батальон Центрального фронта. Весь батальон состоял из комсостава от младшего лейтенанта до полковника, бежавших из плена или вышедших из окружения. Я командовал орудийным расчётом. Каждый день под непрерывным обстрелом войска укрепляли оборону своих позиций у тогда ещё никому не известной деревни Прохоровка. Никто не знал, в какой момент и где немцы начнут своё наступление, поэтому бойцы, измученные тяжёлым трудом и ожиданием, редко разговаривали, стараясь выспаться здесь же рядом с орудием.

Справа и слева тоже были слышны непрерывные бои. А утром 12 июля все орудия по команде палили по расположениям противника. И начался ад на земле. Из-за гула самолётов, рёва танков, взрывов снарядов и бомб не было слышно ни криков командиров, ни стонов раненых. Лопались орудийная броня и перепонки у бойцов. Команды отдавались жестами. Живые переползали к целым орудиям на место погибших и продолжали стрелять. Когда пошли немецкие танки, перед батареей уже не было кому её защищать. И тогда орудия опустили на прямую наводку по танкам.

В этом бою я был тяжело ранен. После госпиталя воевал на Ленинградском фронте и с боями дошёл до Курляндии (ныне Калининградская область). Там же и встретил День Победы.

Награждён Орденом Красной Звезды и медалями разного достоинства. Я инвалид Великой Отечественной войны II группы.

Уволен в запас был в 1946 году.

ЖУРАВЛЁВА (Васина) Елизавета Семёновна

Я родилась в городе Новошахтинске 12 марта 1925 года. Начало войны и оккупация не прошли даром для меня, шестнадцатилетней школьницы. Старший брат защищал

Севастополь, одна из старших сестёр была угнана на работу в Германию.

После освобождения Новошахтинска я ушла на фронт добровольцем. Закончила курсы связистов и прошла дорогами войны в войсках противовоздушной обороны до Венгрии.

Вспоминать войну не люблю. Она и так непрошенно приходит по ночам. Сейчас вспоминается такой эпизод.

В самые первые дни военной службы зенитная батарея 1862-го зенитно-артиллерийского полка ПВО, в которой я была связисткой, расположилась на армянском кладбище города Ростова-на-Дону. Окопы и блиндажи были вырыты между могилами. На фронтах бои были очень тяжёлые. В один из таких дней зенитная батарея попала под массированный обстрел позиций фашистами. Спасаясь от осколков снарядов и бомб, бойцы, а служили в этих войсках в основном девушки и женщины, спрятались в окопах и блиндажах. После очередного недалёкого разрыва снаряда земля вздрогнула и прямо из стены окопа вывалилась толстенная чёрная коса. Это развалился гроб с покойницей.

Ничего больше не помню из этого ужаса, а коса эта, как живая, перед глазами у меня и до сих пор. Наверное, потому, что перед службой мне пришлось отрезать свои красивые длинные русые косы и сделать завивку. А еще этот случай так повлиял на меня, что отбил охоту модничать навсегда.

Нет, это было не самое ужасное, что я видела на войне. Но смерти в любых её проявлениях и даже упоминаниях я боялась очень сильно всегда...

В звании ефрейтора я встретила День Победы в Будапеште.

Награждена многими медалями СССР.

Демобилизована в 1945 году.

ДЕНИСОВА

Нина Федоровна

В 1943 году мне было 6 лет. Жили мы большой семьей в Курской области: мама, папа и нас пятеро детей (четыре сестры и брат). Когда в нашу деревню пришли немцы, было очень страшно. Мы боялись выйти на улицу, все больше сидели дома. Иногда немцы приходили в нашу хату обедать — ловили кур и мама готовила им, а мы в это время прятались в сарае. Хорошо, хоть у нас на постое не было немцев.

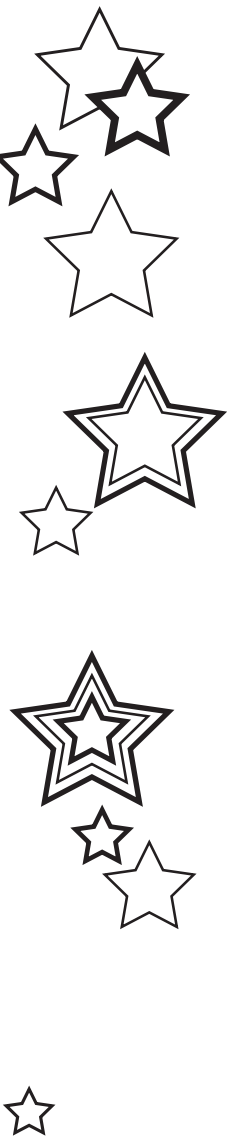
Но больше всего мне запомнился 1943 год, когда наша армия погнала фашистов и в нашу деревню вступили советские солдаты. Их дивизия стояла прямо у нас за огородом. И мы с соседской детворой часто бегали к ним поживиться чем-нибудь, да и просто порадоваться встрече со своими освободителями. Бойцы нас подкармливали.

Помню, как со мной, маленькой девочкой, постоянно игрался один из бойцов. Он сказал, что у него такая же дочка, как я, и ее также зовут Ниной. Он сажал меня к себе на колени и качал, угощал чем-нибудь вкусненьким. Я даже сейчас помню запах консервированной колбасы. Эти жестяные баночки, в которых были уложены уже порезанные кружочки колбасы, были такими необычными для нас, деревенских детей. Так вот, этот солдат клал мне по два кусочка на хлеб, и я ела. Ничего вкуснее в этой жизни не помню. Какие же мы были голодные тогда....

ЛЫСЕНКО

Иван Егорович

Война — это очень страшно. Нельзя допустить повторение того ужаса, который перенес наш народ. Нельзя допустить, чтобы умирали молодые, плакали дети.

Война коснулась и нашей семьи. В то время жили мы в Новошахтинске в одном из пармоновских бараков в двенадцатиметровой комнате — мама, папа, я и брат Иван.

В 1941 году отца призвали на войну. Мама осталась беременная и нас двое пацанов, мне 8 лет и брату — 6. Чтобы как-то выжить, мама пошла работать в шахту. Тогда женщины сменили мужчин, они спускались в забой рубить уголь. Да. Моя мама была горнорабочей очистного забоя.

Я помню, как с самого начала войны каждый раз, как приходила почта, в нашем дворе или за тонкими перегородками барака слышался громкий женский плач, перерастающий в рыдания. Было жутко. Это значит кто-то из соседей получил очередную похоронку. Тогда люди жили очень дружно. Погибшего оплакивали всем бараком.

А через 3 месяца после того, как у меня родилась сестричка, и мы получили извещение, что наш отец пропал без вести. Он так и не узнал, что у него родилась дочь. Наступили очень тяжелые времена: война пришла и к нам — немцы, голод, холод. Мы с братом очень быстро повзрослели. Помогали матери во всем. Мама почти всегда была на работе. А мы нянчили маленькую, выполняли всю работу по дому.

Так и выжили.

ВАСИЛЬЕВА

Валентина Ивановна

Я отношусь к той категории людей, которых называют «дети войны». 1928 года рождения. На начало Великой Отечественной войны мне было 13 лет. И военные воспоминания мои уже осознанные. Но те страшные годы мы вспоминаем как что-то обыденное, говоря при этом: «Тогда все так жили». А жили все тяжело.

Я помню тот самый первый день. Как и все, мы узнали о нападении фашистов из сообщения по радио утром 22 июня. Тогда у нас почти в каждом доме были проведены радиоточки, которые работали весь день. И вот такая страшная новость. У нас еще все было тихо, но во всех домах поднялась суматоха, люди выскакивали на улицу, бежали на площадь, собрался целый митинг. Мы тоже пришли. Все стояли и ждали распоряжений горкома партии. «А сколько дней будет война?» — спросила я у своего отца. «Думаю, это надолго», — ответил он, тяжело вздохнув.

А еще мне хорошо запомнилась наша эвакуация. Отец тогда уже был на фронте. Мы убегали от наступающих немцев. Вчетвером (мама и нас трое, я была самая старшая) ехали на телеге. Маленькие постоянно просили есть. А есть было нечего, и мама меняла вещи на продукты. Но вещей было немного, и в какой-то момент меня охватило отчаяние, я плакала и кричала: «Мы все умрем!». Помогли люди, с которыми они вместе ехали, поделились последним куском хлеба, налили кипятку, успокоили.

МЕРКУЛОВ Иван Павлович

«ОСВОБОЖДЕННЫЙ ДОНБАСС» — так было написано на борту самолетов, на которых летали мы, истребители 3-й авиаэскадрильи полка. Эти самолеты — подарок трудящихся Донбасса, которые на свои сбережения купили истребители и вручили их нашей лучшей эскадрилье на Южном фронте.

Личный состав полка принимал самое активное участие в обороне и освобождении Кавказа, а также в других операциях Южного фронта.

О боевом пути полка и его летчиках и техниках можно вспоминать много замечательного.

Заслуживает внимания подвиг старшего лейтенанта Куксина А.

Вылетев во главе группы из шести самолетов Ил-153 «Чайка» для штурмовки войск противника в районе станицы Абинская, Куксин незаметно вывел свою группу на цель и повел ее в атаку, один самолет, пилотируемый сержантом Евсеевым был подбит. Приземлился он на территории, занятой гитлеровцами.

Увидев, что товарищ попал в беду, Куксин, не раздумывая, сажает свой самолет рядом с подбитым и приказывает Евсееву лечь на плоскость и держаться за стойку крыла, а сам на глазах приближающихся гитлеровцев поднимает свою «Чайку» в воздух, и под нашим прикрытием из четырех истребителей, пролетев более 100 километров, благополучно приземляется на своем аэродроме.

За этот подвиг старший лейтенант Куксин был награжден орденом Отечественной войны I степени, а сержант Евсеев — орденом Отечественной войны II степени.

Это были первые ордена, полученные летчиками нашего авиаполка.

ЛЫСЕНКО

Владимир Егорович

В войну я был еще совсем ребенком.

Довелось нам пожить под немцами, ведь и до нашего шахтерского края добрались варвары в 1942 году, Ново-шахтинск был оккупирован. Такая злость на них была даже в душах у нас, детей. Так хотелось мстить им за гибнущих на войне наших отцов и старших братьев, за слезы матерей. Вот мы, малолетки, и организовали свой отряд мстителей.

В нашем городском парке немцы разместили свою технику. Было там много самоходных пушек, которые больше всего привлекали наше внимание. Знали мы, что это одно из самых грозных оружий для нашей пехоты и вот что придумали: как только темнело и в огороженном колючей проволокой парке оставались только охранники, мы выходили «на работу». У нас были разведчики, которые изучали и докладывали обстановку. Если на объекте было оживленно, мы разбегались по домам. Если тихо, выходили наши наблюдатели и следили за движением часовых, подавая нам знаки. В безопасный на этом участке момент мы подбегали, растягивали на сколько возможно «колючку» и пробирались к пушкам. В узелках у нас был песок, и мы засыпали его в дуло пушки, чтоб она не стреляла. Вот так по-детски мстили фашистам.

Если бы мама узнала, чем я втайне занимаюсь по вечерам, она бы мне «задала», ведь это было смертельно опасно. Попадись, мы были бы все казнены, да еще прилюдно, как партизаны, чтоб другим не повадно было. И все-таки это нас, пацанов, не останавливало.

Нет, мы не играли тогда в войну, мы непосредственно в ней участвовали.

ПАВЛЕНКО

Николай Иванович

Когда началась война, мне было 15 лет. Жил в родном городе Новошахтинске. Как и все подростки, я рвался на фронт, на защиту Родины.

Но возраст не позволял воевать. Работал на шахтах города подсобным рабочим. Проживал в семье с мамой и папой инвалидом-селикозником, так как папа всю жизнь проработал на шахте.

Помню, как Новошахтинск был оккупирован немцами, и в один из дней меня вместе с моими друзьями загнали в железнодорожные вагоны, и целый эшелон нас, молодежь, отправили неведомо куда. Мы оказались в Ростове, потом дальше. Никто не знал, куда нас везут, но старшие догадывались, что в Германию. И вот в Белоруссии, во время остановки эшелона, я и еще трое ребят незаметно спрыгнули с обратной стороны вагона и побежали куда глаза глядят. Мы спрятались в подвале заброшенного дома, затаились на ночь. На утро эшелона не было, а мы остались. Так я с друзьями сбежал.

Ночевали в подвалах, на чердаках, кормились тем, что дадут люди, которым мы помогали по хозяйству. Когда бомбили немцы, я находился около лошадей. Взрослые говорили, чтобы я не высывался, а то меня убьют, оберегали, а мне было интересно.

Так я прожил в Белоруссии до 1944 года и достиг возраста 18 лет. С приходом Советской Армии я ушел на фронт с войсками, меня зарегистрировали в военкомате. Я находился в роте, которая после боев зачищала территорию от врага. Дошел до Польши и здесь встретил День Победы.

После Победы служил еще 5 лет.

ПАВЛЕНКО

Раиса Васильевна

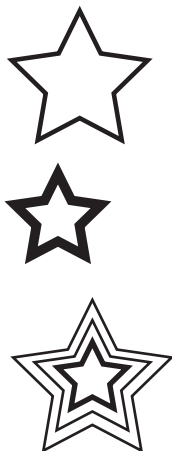

Родилась я в Ростовской области, Азовского района, село Порт-Катон. Когда началась война, мне было 9 лет. Жила с родителями. Папу забрали на фронт, мама продолжала работать в колхозе. В колхозе работала и я, сначала собирала на поле колоски, потом, когда я повзрослела, меня взяли рабочей на ток.

До 1942 года мы жили мирно, пока не пришли в наше село немцы. Немецкие солдаты ходили по хатам, забирали все продукты, угоняли скот, но нас, детей, не трогали. Недалеко от нашего села в садах и виноградниках находились партизаны. Родители собирали небольшие сумки с продуктами, которые приходилось прятать за пазуху. Так, вместе с комсомольцами, под видом, что собираем яблоки, мы, младшие, помогали нашим партизанам. Но однажды немцам донесли, что кто-то из деревни помогает партизанам, и тогда наши дома начали расстреливать из танков. Уничтожили почти всю деревню.

В одном из домов в это время собрались ребята-комсомольцы. Там был их штаб. На моих глазах в эту хату попал вражеский снаряд. Спасти не удалось никому. Очень страшно было видеть, как за одну секунду погибла почти вся молодежь нашего села.

БАБКИН

Александр Ильич

Жили мы с семьей под Шахтами. До войны я окончил школу. Сразу в начале войны был призван на фронт. Воевал в 469-ом стрелковом полку.

В 1942 году под Харьковом попал в немецкий плен. Меня с другими пленными отправили в Германию в лагерь. Нам много приходилось работать, одежда была только та, что на нас. Когда у меня порвались ботинки, пришлось их связывать веревками, других не давали. Работали по 12—14 часов без перерыва. После работы, когда возвращались вечером в лагерь, надо было успеть быстрее занять место в бараке. На нарах спали только те, кто успел первым, остальным приходилось спать прямо на земляном полу, и таких было очень много. А утром опять на работу...

Нас почти не кормили, только вода и немного хлеба. Все были очень худые — кожа да кости. Откуда силы только брались?!

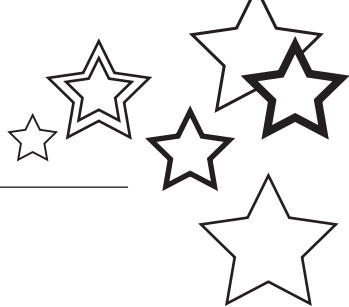
Немцы лютовали с каждым днем все больше и больше, чувствовали, наверное, окончание войны и свое поражение. Бить стали жестче, кормить перестали почти совсем. Пленные умирали по несколько человек в день. Вынести эти муки было невозможно. И вот однажды я и несколько моих товарищей решили бежать из лагеря. Нам было уже все равно: убьют, так убьют.

Наш побег удался. Это было начало 1945 года...

ИВАНЕЦ Елена Афанасьевна

До войны наша семья проживала в Куйбышевском районе Ростовской области.

Война для меня началась 1943 году, когда меня и еще тридцать трех девушек нашего района призвали на фронт. Пешком мы шли до Ростовского военкомата, а затем нас на машинах отправили в город Зверево, где был сформирован пулеметный батальон. Мне довелось служить в 38-ой отдельной роте обслуживания. Нашей задачей было пополнение запасов продовольствия, обмундирования, боеприпасов для армии. Некоторые могут сказать: хорошо служить «в обозе», всегда сыт, одет, обут. Но я хочу сказать, что никогда мы не пользовались своими благами, кроме своего положенного пайка ничего не таскали со склада. Тогда это было не принято. Да и как можно обкрадывать тех, кто на передовой. Наоборот, мы старались вовремя и в полном объеме делать доставки в окопы, часто под пулями или в бомбежку.

Однажды прямо на полевой дороге наш грузовик попал под обстрел с воздуха. Я и еще два сопровождающих груз бойца успели выпрыгнуть и отбежать подальше. А водитель погиб прямо за рулем, хотел дотянуть до леска, но не успел. Машина перевернулась. Потом мы по полю собирали раскатившуюся тушенку, новые керзачи и связки портянок. Одного бойца послали за подмогой, а мы вдвоем остались охранять. За груз головой отвечали.

Потом наш батальон участвовал в освобождении Крыма. Была я и на Курской дуге, повидала там страха, но благополучно вернулась с войны.

ГОНЧАРОВ Иван Михайлович

Война застала нас в Новошахтинске. Когда в город пришли немцы, было очень страшно. На тот момент мне было 15 лет. И фашистские молодчики из группы СС ходили по домам, забирали молодых и сильных, чтобы отправить на работы в Германию. Пришли и к нам, но меня спасла моя мама. Она намазала мне химическим карандашом синяки под глазами, уложила меня в постель. А немцам сказала, что я болен тифом. Они панически боялись всяких заразных болезней, и ушли, оставив меня в покое.

Чтобы не умереть от голода, нам всем приходилось работать на поле. На свой страх и риск бегали собирали кукурузу, хотя знали, что немцы иногда простреливают поле, боялись партизан. Но кушать хотелось, поэтому не думали, что можем погибнуть, думали о своих родных, для которых кукуруза иногда была единственной едой.

А еще вспоминаю один из страшных дней, когда фашисты начали искать партизан среди мирных жителей. Нас собрали посреди поля и начали стрелять, одной из пуль мне поцарапало ухо, и я от страха упал. Ребят постарше забрали в штаб, где пытали. Мы слышали их крики и стоны, было жутко, но все оказались стойкими, партизан так и не нашли.

ВАСИЛЕНКО

Николай Васильевич

В военное время я был совсем еще мальцом пяти-шести лет. Но война врезалась в память, наверное, даже совсем маленьким, особенно когда подошла близко, а потом и немцы вступили в наш шахтерский городок. Жили мы тогда в Соколово-Кундрюченской слободе. Немцы у нас бывали наездами. Они ходили по дворам, угоняли скот, ловили живность.

Однажды, когда мы с братьями и соседскими мальчишками наблюдали из — за плетня, как самоуправствуют в нашем дворе фашисты, я не отдавая отчет своим действиям швырнул камень и попал в немца, который гонялся за нашими курочками. Я был шустрый малый. Старший брат даже не успел остановить меня. А вот немец среагировал сразу. У него наперевес висел автомат. Как только я увидел, что гитлеровец берется за него, я со всей прыти рванул за забор к кукурузному полю. Немец очередью обстрелял поле. Меня спасло только то, что я был совсем маленький, моей головы не было видно из кукурузы и я, как заяц, петлял в зарослях, путая следы. По полю немец не побежал, тогда боялись партизан. А я благополучно спасся, мама сказала: «Чудом!».

Долго я просидел в кукурузе. А как только немцы уехали, меня нашли и привели домой старшие мальчишки. Ох, и влетело мне от мамы.

ДОЛЬНИКОВА Нина Герасимовна

Я знаю о Великой Отечественной Войне не по наслышке, мне тогда было 6 лет. Семья у нас была большая — мать, отец и шестеро детей, жили в небольшом домике нынешнего поселка «Невсетаевского» в г. Новошахтинске.

Не по своей воле оказались мы в немецкой оккупации. Отец вынужден был охранять немецкие самолеты под угрозой расстрела. Однажды немцы приняли его за разведчика, стали допрашивать и хотели уже расстрелять, как нашелся один переводчик, который и объяснил немцам, что Герасим, мой отец, не разведчик, а всего лишь сторож.

Вместе с бабушкой и ее семьей в одном доме жили немцы. Вели они себя как хозяева, правда среди них был один хороший, который приносил еду, гостинцы. Он рассказывал часто про свою семью, что дома его ждут жена и трое деток, да и оружие он взял не по собственному желанию, его заставили.

На улицах часто проходили перестрелки. Мы, дети, вынуждены были падать на пол, закрывая головы, лежали мы, ожидая окончания перестрелок. Выходить на улицы было опасно для жизни.

А этот добрый немец очень часто помогал нам по хозяйству и зачастую спасал нашу семью от нападков своих сослуживцев. Наверное, благодаря ему мы выжили в оккупации. И такие немцы встречались. Они же тоже люди и не все изверги.

Художественно-публицистическое издание

70 историй о войне

Сборник документальных рассказов

Редактор:

Великанова С.Н.

Составление и подготовка текстов:

Сумская Т.В., Великанова С.Н., Калужина М.В.

Корректор:

Кубеш И.В.

Верстка и оформление:

Лункина Н.В., Кубеш И.В.

Подписано в печать 20.03.2015. Заказ № 12/15.
Бумага офсетная 72 × 104/18. Тираж 50 экз. Усл. п. л. 11,56.
Гарнитура Literaturnaya.

Подготовлено и отпечатано DSMGroup.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081.
г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. 263-57-66
E-mail: dsmgroup@mail.ru